

Ольга Зверлина

СКАЗКИ ЗЕРКАЛ

12+

книга

• приключение

Ольга Зверлина
Сказки Зеркал

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Зверлина О.

Сказки Зеркал / О. Зверлина — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Закончив учёбу у старого мастера, шесть весёлых подмастерьев делают на экзамене по одному зеркалу. Казалось бы, решив эту нехитрую задачку, любой малыш ответит, сколько вышло зеркал – и сколько зеркальных сказок получилось у автора книги. Но в условие задачи вмешалась волшебная палочка, а с ней и одна озорная фея, два могущественных чародея, один мудрый ворон, один очень-очень вредный слуга, один ушастый субъект с хоботом – и неожиданное для всех стихийное явление. И теперь юные подмастерья путешествуют по всему Безграничному Мирру, находя новых друзей и переживая увлекательные приключения. Поспешите и вы, дорогие читатели, заглянуть в зеркало этой книги, отражающее яркий волшебный мир – мир, вам ещё неведомый. Кстати, составленная автором карта Безграничного Мирра к книге прилагается.

© Зверлина О., 2006

© ЛитРес: Самиздат, 2006

Содержание

Книга первая. Волшебная палочка	5
Глава 1. В зеркалах	5
Глава 2. Мэтр Амальгамыч и его подмастерья	8
Глава 3. У реки	11
Глава 4. Пугало	13
Глава 5. Школа Волшебства	16
Глава 6. Ворон Каркл и чудесные пирожки	19
Глава 7. Экзамен	22
Глава 8. Назлоб	24
Глава 9. У костра	28
Глава 10. Ловушка	32
Глава 11. Узники	36
Глава 12. Ветер Странствий	42
Книга вторая. Зеркало Красоты	45
Глава 1. Приземление	45
Глава 2. На любой вкус	48
Глава 3. В Особенной стране	51
Глава 4. В тюрьме	53
Глава 5. Неожиданный поворот	56
Глава 6. Мордарий	58
Глава 7. Убежище	60
Глава 8. Три капитана	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Книга первая. Волшебная палочка

Глава 1. В зеркалах

Витрина слепила зеркалами.

День был яркий, солнечный – и выставленные напоказ зеркала так и брызгали во все стороны шустрými озорными «зайчиками». Это была витрина зеркального мастерской мастера Амальгамыча, известного не только здесь, в Торгуй-Городке, столице богатой страны Рукоделии – но и во всём Безграничном Мирре.

Каких тут только не было чудес!

Виноградные гроздья лепились по золочёным рамам больших парадных зеркал; гирлянды фарфоровых цветов обвивали круглые зеркала для спален; диковинные звери цепко держали в бронзовых лапах строгие зеркала для кабинетов. Но особенно радовали глаз милые зеркальца-малютки – с ручками и подставками, на шнурах и на цепочках. Были они искусно отделаны серебром и цветными камешками, расписаны по изнанке эмалевыми красками.

Целое зеркальное богатство!

В зеркалах отражалось майское небо с воздушными облачками и черепичные крыши с башенками. Отражались увитые плющом старые стены, балкончики, утопающие в весенних цветах, и окна с дрожащими на ветру занавесками. Отражалась уходящая вдаль тихая улочка с медленно ползущей повозкой. И ещё – солнце, солнце, слепящее солнце!

Прохожие задерживались у витрины – да и как тут пройдёшь мимо? Мальчишки корчили рожицы, дамы поправляли шляпки, военные приосанивались, торговки подмигивали. Девушки пробегали весёлой стайкой, лукаво улыбаясь таким же улыбчивым зеркальным своим подружкам.

А старый почтальон, едва глянув на собственное отражение, устало вздохнул – и брёл дальше с тяжёлой кожаной сумкой.

И вот посреди улочки появилась вдруг странная особа. Именно появилась: не вышла из дому, не вывернула из-за угла, а просто взяла – и возникла себе мгновенно.

Волосы у юной особы были растрёпанные, на голове посверкивала съехавшая набок алмазная диадема, а платье из нежнейшего шёлка давно нуждалось в починке и хорошей стирке. Особа эта была фея – впрочем, всего лишь фея-ученица. Да и ученица-то не слишком прилежная.

Звали её Растрёпа, и нетрудно было догадаться, почему.

Удивлённая фея глянула туда-сюда, протёрла глаза – и вновь осмотрелась. «Куда это я попала? – пробормотала она сердито. – Не очень-то похоже на высочайшую в Мирре вершину Горы Мудрецов! Эх, опять влепят двойку по волшебным перемещениям...»

*Я летала в облаках –
А осталась в дураках:
Хоть ворон и не считала –
Не по адресу попала!
Город – это не гора,
Невезение с утра...*

«Ну и подумает, – фыркнула юная фея, – зато прогуляюсь!» Она решительно двинулась вперёд.

Растрёпа всюду совала свой исцарапанный нос: и в распахнутые двери магазинчиков, и в чужие окна, и в мусорные корзины; рассматривала вывески, азартно поддавала носком пыльной туфли подвернувшиеся под ноги камешки – и вдруг наткнулась на сияющую витрину зеркальной мастерской. «Человечьи волшебные стёкла! – ахнула Растрёпа. – Это же человечьи волшебные стёкла! Те самые, те: запретные стёкла-перевёртыши...»

Повертеться перед зеркалами любят все, и феи – не исключение. Тем более что в волшебной школе, где училась Растрёпа, не было ни единого зеркала, ни даже самого малюсенького: строгий директор Магус позаботился о том, чтобы феи-ученицы не отвлекались от занятий. Поэтому бедняжкам приходилось, тяжело вздыхая, одеваться и причёсываться без всяких зеркал.

Одна лишь Растрёпа несколько не переживала из-за этого: причёсываться она не любила. Но сейчас, прижавшись носом к заманчивой витрине, юная фея с интересом рассматривала свои многочисленные отражения: «Неужели это я? И здесь – я, и там – тоже я! Везде я, только наоборот: право слева, лево – справа! Как же это здорово!»

И в её растрёпанной голове мигом сложился стишок:

*В мире стало веселее:
В каждом зеркале по фее!
Фея – тут, фея – там,
Как чудесно вместе нам!*

Такие коротенькие стишки Растрёпа сочиняла по всякому поводу. И даже совсем без причины.

«Как же это здорово, просто красота!» – вертясь, восхищалась собой юная поэтесса.

«Не красота, а сплошное безобразие! – прогнусавила проходящая мимо старая прачка с тяжёлой корзиной белья на голове. – Посмотрите-ка на неё, добрые горожане: платье всё в зацепках! и такое грязное! Туфли не чищены, лицо не умыто! А волосы? Просто кошмар какой-то: это не волосы, а воронье гнездо...»

И что-то укоризненно бормоча себе под нос, старушка побрела восвояси.

«Вот ещё, вредная бабка! – возмутилась фея. – Ругать мои чудесные волосы! Ну, может, я и не причёсывалась сегодня утром. И ещё там неделечку-другую. Подумаешь, пустяки!»

Порывшись в карманах, она извлекла на белый свет гребешок с обломанными зубьями и попробовала причесаться. Но бедняга-гребешок мигом запутался в дебрях её рыжих волос. «Ну и ладно, – махнула рукой Растрёпа, – если кому-то не нравится, могут и отвернуться. А мне и так хорошо!» Очень довольная собой, она подмигнула своим растрёпанным отражениям – и отправилась восвояси.

Но вот беда: когда рассеянная фея доставала из кармана гребешок, она случайно выронила свою волшебную палочку. Палочка закатилась в пыль между булыжниками мостовой – да там и осталась.

Глава 2. Мэтр Амальгамыч и его подмастерья

Мэтр Амальгамыч восседал на высоком табурете в своём зеркальном царстве. Строго взирая на подмастерьев сквозь смешные кругленькие очки, оседлавшие кончик его сизого носа, он выкрикивал тонким петушиным голосом: «Я даю вам месяц, разбойники! Целый месяц, ровно месяц – и ни днём больше! И пусть только кто-нибудь из вас вздумает не успеть!»

Подмастерья, кружком усевшись прямо на дощатый пол мастерской, весело глядели на мэтра. Несмотря на сердитый взгляд и пронзительный голос старого зеркальщика, они его нисколько не боялись: все знали, какой он добряга. Мальчишки любили своего учителя, ведь кроме него никого у них не было в целом свете.

Когда-то у зеркального мастера была семья – была жена и свои дети, шесть сильных сыновей, отцовская гордость. Но жена умерла, сыновья давно выросли и разбрелись по белу свету. Амальгамыч поскучал-поскучал – да и взялся обучать сирот. Время от времени он подыскивал в приютах шесть мальчиков, шесть будущих зеркальных мастеров – ровно столько, сколько родных сыновей дружно садилось с ним когда-то за длинный обеденный стол. И с ними точно возвращалось к старику его счастливое прошлое.

Мальчишки жили в мастерской, учились и помогали в работе; когда же они уходили, освоив зеркальное ремесло, их сменяли другие. Так продолжалось уже много-много лет.

И сейчас сердце старого мастера вновь наполняла печаль: вскоре ему предстояло расстаться и с этими озорными мальчуганами, которых он уже успел полюбить как родных.

«Все вы, оболтусы и лентяи, – продолжал меж тем мэтр Амальгамыч, нарочито грозно сдвигая седые брови, – должны создать по зеркалу: это будет вашей проверкой на мастерство. Вот и посмотрю-ка я теперь, чему вы у меня сумели выучиться за эти годы, маленькие бездельники! Пусть каждый подумает хорошенько – если в ваших пустых головах ещё остались хоть какие-нибудь мысли – и сделает такое зеркало, в какое не стыдно было бы взглянуть достойному человеку. Хотя бы даже и королю! Даже фее небесной!»

С этими словами он повернулся к окну, тыча узловатым пальцем прямо в голубое весеннее небо – и в ту же минуту заметил перед своей витриной Растрёпу. «Вот ещё пугало на мою голову! – воскликнул мастер. – О мои зеркала! О мои несчастные создания! Какое оскорбление для вас отражать подобных кривляк и нерях! Я создал вас сияюще-прекрасными, а вам приходится вмещать в себя всё несовершенство этого безумного мира... О мои бедные зеркала... Кыш, кыш-ш!»

И мэтр Амальгамыч огорчённо замахал руками, пытаясь отогнать замарашку от своей ослепительной витрины. Впрочем, старался он напрасно: поглощённая собой, фея ничего не видела и не слышала. Зато учеников зеркального мастера появление незнакомки привело в бурный восторг: они наперебой засвистели и затопали ногами. «Эй, пугало-пугало! – кричали они. – Из какого огорода ты сбежало? Эге-гей! Тебе бы ворон пугать!»

Но Растрёпа ничего не замечала. Лишь когда, навертевшись всласть, она наконец удалась, мэтр Амальгамыч смог вздохнуть с облегчением.

– Вам, молодым оболтусам, не понять, какие муки испытывает творец, отдавая своё создание в недостойные руки, – со вздохом признался мастер. – Плоды бессонных ночей, плоды вдохновенного труда – и всё это вдруг попадает к тому, кто не отличит произведение искусства от простого куска стекла...

– Какая разница, если заплатят хорошие деньги? – пожал плечами толстяк Хватыш. – Зеркало – это зеркало и ничего больше. Побрился, причесался – и вперёд!

Мальчишки дружно рассмеялись, а дылда Бумбан под шумок вlepил Хватышу звонкий подзатыльник. Разозлённый Хватыш попытался дать сдачи, но Бумбан проворно перехватил его руку.

«Не смейте драться в моей мастерской! – возмущённо затряс головой старый учитель. – Ну-ка все вон! Идите хорошенько проветрите свои замусоренные головы перед тем, как взяться за серьёзную работу».

Подмастерьев упрашивать не пришлось – они дружно высыпали на улицу. Снаружи было чудесно: столько ласкового весеннего солнышка, столько звенящего прозрачного воздуха! А налетающий порывами тёплый ветер приносил с городских окраин дразнящие запахи реки и цветущего луга.

«Айда за город, – предложил Бумбан, – там сейчас здорово! Искупаемся!» Его предложение было принято «на ура»: всей весёлой ватагой мальчишки рванули в сторону речки – и Бумбан, и Хватыш, и пугливый Робсик, и весельчак Смихля. И даже неторопливый Дрёмс.

Последним бежал лучший ученик мэтра Амальгамыча, худенький некрасивый Страшик. Стараясь не отставать от товарищей, он совсем не смотрел под ноги – и вот обо что-то споткнулся, упал, пребольно ушибив коленку. Вставая, Страшик нащупал в пыли кругленькую палочку, так некстати подвернувшуюся ему под ноги, и без лишних раздумий сунул её в карман.

И откуда было знать Страшику, что это настоящая волшебная палочка. Волшебная палочка одной очень рассеянной феи.

Глава 3. У реки

Ветер внезапно стих, и речная гладь, точно текучее живое зеркало, отразила небо и зелёные берега, отразила низко склонившиеся к воде ивовые ветви и спящую старую мельницу.

Ученики мэтра Амальгамыча не жили на травке, под тёплым солнышком. Они уже всласть порезвились в реке, поныряли и поплавали до первых щекотучих мурашек и теперь пребывали в блаженной полудремоте, когда всё вокруг – звуки, запахи, цвета – сливается в чудесную музыку, наполняет тебя, завораживает и уносит в своём потоке в манящие неведомые дали Безграничного Мирра...

Только Страшику спать совсем не хотелось: он разглядывал найденную палочку. Ему нравилось, что она такая круглая и гладенькая – прямо по руке. Славная-славная палочка! Эх, была бы она волшебной, сколько пользы бы принесла! С её помощью можно было бы творить настоящие чудеса...

– Вот бы мне смастерить волшебное зеркало, – задумчиво прошептал Страшик, – такое зеркало, что делало бы всех людей красивыми. Настоящее Зеркало Красоты...

Дылда Бумбан лениво приоткрыл левый глаз, покосился на Страшику и хмыкнул.

– Тебе бы самому стоило заглянуть в него, Страшик! – пробормотал он, зевая и почёсываясь, но Страшик несколько не обиделся. – Не, если уж делать какое-нибудь волшебное зеркало, так уж лучше Зеркало-Перевертыш.

– Как это – перевертыш?

– А вот так. Ты только представь, Страшик: зеркало, в котором всё выходит наоборот. Красавчик кажется в нём уродиной, а чучело – милашкой; дети отражаются как старички, взрослые – как малыши; всякие учёные шишки выглядят в отражении круглыми болванами, а дураки – умниками-заумниками. Вот от такого зеркала я бы не отказался!

Бумбан расхохотался так радостно, словно это забавное зеркало уже лежало у него в сумке. Разговор привлёк внимание остальных. Подмастерья оживились, придвинулись ближе.

– А хорошо бы, – размышлял, сладко потягиваясь, Дрёмс, – сделать такое зеркало, чтобы отражало чужие сны. Не свои сны, а чужие, понимаете? Только подумал про кого-то, глянул в зеркало – бац! – там все его сны, как в волшебном окошке. Вот ведь было бы отличное зеркало – Зеркало Снов!

– Нет, нет и нет! – вмешался улыбчивый Смихля. – Подумаешь, сны, ерунда, чепухатина, для снов никакого волшебства не надо: спать завалился – сразу тебе и сны! Не, я бы сделал зеркало, чтобы всех смешило-веселило – простое такое Смешильное Зеркало. Никто бы не ныл, не скучал, не плакал, все бы тогда только радовались. Глянул в зеркало – и сразу смешно!

– Тебе, Смихля, и так всё время смешно, палец покажи – уже смешно, – проворчал толстяк Хватыш. – Это всё без толку, баловство одно, глупости. Уж если делать, так серьёзное волшебное зеркало, чтобы для пользы, для богатства. Посмотрел в зеркало – и сразу стал богач, и денег у тебя полные карманы!

– Жадина-говядина, – дружно завопили подмастерья, – с полочки украдена! Дёнгами набита, нитками зашита!

– Ну и нетушки, ничего я не жадина, – возразил Хватыш, – денежки-то небось всем нужны: и вы без денег не проживёте, зря хихикаете. Да-да, если уж и делать что-то волшебное, так вот именно такое полезное зеркало: Зеркало Богатства!

– А ты чего молчишь? – повернулся к Робсику Бумбан. – Сказать боишься? А ну – говори немедленно, бум-бам!

Тихоня Робсик грустным взглядом обвёл своих товарищей и пролепетал:

– Плохо быть таким трусом, как я. Я же всего боюсь: и темноты, и собак, и пауков, и грома! И даже трясуемого желе – брр! – и того боюсь. Мне бы храбрости немножко. Вот бы мне

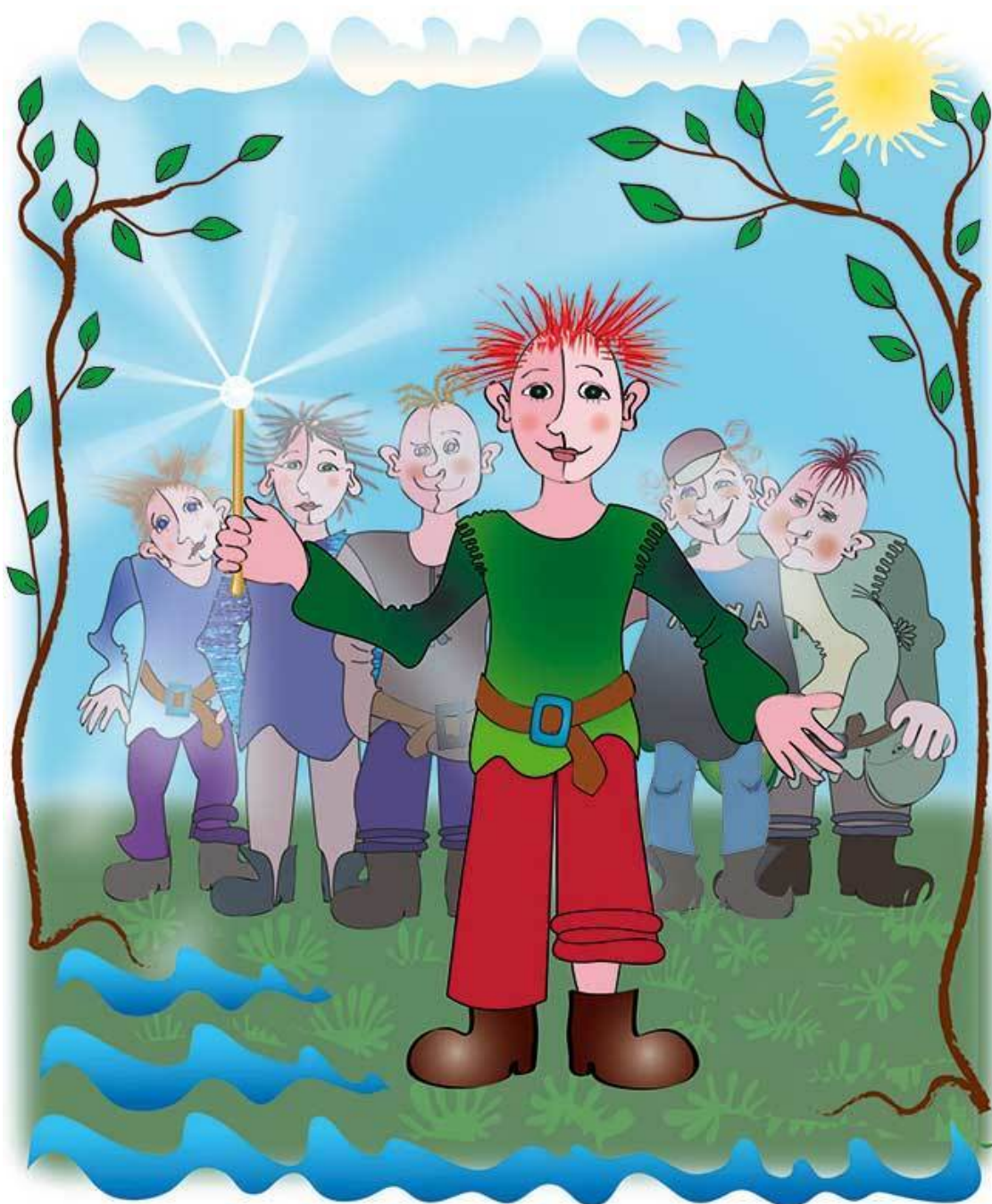
какое-нибудь такое... волшебное Зеркало Храбрости. Пусть даже самое малюсенькое! Посмотрел в него всего один разочек – и больше ничего не боишься. Совсем-совсем ничего!

– Эх ты, герой! – потрепал его по волосам Смихля. – Не нужно бояться, нужно смеяться!

И рассмеялся так весело, так заразительно, что к нему дружно присоединились все остальные. А Страшик встал, точно дирижёр перед своим маленьким оркестром, взмахнул палочкой и торжественно произнёс:

– Дорогая палочка, если ты хоть немножечко волшебная, исполни, пожалуйста, все эти наши желания! Очень тебя прошу!

Ученики мэтра Амальгамыча дружно захлопали – и вновь рассмеялись. Тогда никто из них и представить себе не мог, к чему может привести эта вежливая просьба.

Глава 4. Пугало

Юная фея недолго бродила по незнакомому городку – довольно скоро это ей надоело. – Везде одно и то же, – пробурчала она с досадой, – дома, дома, улицы. Скучота! И есть так хочется...

Проголодавшаяся Растрёпа смешалась с толпой на рыночной площади и ловко стащила у зазевавшейся торговки румяный пирожок. Но откусить от него она так и не успела: голодная дворняжка подскочила, сцапала пирожок – и дёру.

– Стой! Куда?! Держи вора! – завопила обиженная фея, бросаясь вдогонку.

Вслед за собакой она неслась кривыми переулками, ныряла в гулкие подворотни, пересекала солнечные дворики. Затих вдали шум рыночной площади; промелькнули улицы, дома, повозки, фонари, прохожие, фонтанчики и конюшни – и скоро весь город остался позади. А впереди тянулась лишь пыльная просёлочная дорога – и поля, поля, до самого синего горизонта. Меж тем четвероногого воришки давно и след простыл: фея стояла на дороге одна-одинёшенька.

– Ну уж, нет, – проворчала она, – такого обращения с собой я не потерплю! Чего тут вообще за дурацкое место: никакого тебе уважения к голодным феям! Вернись-ка я, пожалуй, домой.

Растрёпа порылась в своих отвислых карманах, набитых до отказа, но волшебной палочки там не обнаружила. Она вынула уже знакомый нам щербатый гребешок, смятую фольгу от шоколадки, чью-то потёртую костяную пуговицу, сломанные ножницы и скомканный носовой платок неясного цвета. Затем на свет появился ржавый ключ от неведомого замка, сердитый жук в спичечном коробке, горсть пёстрых стеклянных шариков и огрызок карандаша. В конце концов Растрёпа полностью вывернула оба кармана – но из них посыпались на землю лишь тыквенные семечки.

Напрасно трясла фея своими пустыми карманами: волшебная палочка исчезла бесследно.

– И как же я теперь вернусь домой? – спросила Растрёпа. – Как?

Никто ей не ответил, потому что рядом никого не было.

Приунывшая фея вздохнула, уселась на большой камень у обочины – и стала грызть тыквенные семечки.

* * *

Дядя-Ягодка возвращался домой усталый, ведь с раннего утра он торговал на городском рынке ароматной клубникой.

Дядя-Ягодка выращивал клубнику круглый год: тёплым солнечным летом – на открытых грядках, холодной порой – в больших застеклённых теплицах. Клубники у него созревало так много, что он поставлял свой вкусный товар и в соседнюю страну Кулинарию¹, и в далёкую дождливую Тоскляндию. Целыми днями он неумоимо возился со своими посадками, и от этого его одежда, усы, борода – всё-всё пропахло душистыми спелыми ягодами. Так соседи его и прозвали: Дядя-Ягодка.

Старая лошадь сонно плелась по знакомой дороге, Дядя-Ягодка сладко дремал, покачиваясь в небольшой повозке, среди пустых корзин. Вдруг впереди послышался шум, птичий гомон. От испуга лошадь споткнулась – и встала как вкопанная. Дядя-Ягодка спросонья открыл левый глаз, присвистнул, крепко зажмурился, пытаясь прогнать сонное наваждение – а потом удивлённо вытаращил оба глаза.

¹ Чтобы побывать в стране Кулинарии, читайте книгу Ольги Зверлиной «Кулинарные сказки».

Перед ним была странная картина. На большом камне у обочины дороги он увидел пугало, самое настоящее пугало в поношенном платье. Только пугало это было живое: оно подпрыгивало, махало руками, сердито трясло взъерошенной головой. А над ним клубились птицы, целая стая ворон, синиц, воробьёв и галок. Птицы возмущённо галдели, били в воздухе крыльями, камнем кидались вниз, стараясь клюнуть врага.

Но и пугало не сдавалось.

– Я вам покажу! – вопило оно. – Кыш, кыш, гадкие ворюги! Я вас превращу в лягушек! В червяков! В жалких слизняков! Вот только вспомню сейчас подходящее волшебное заклинание. Сейчас-сейчас...

*Что-то странное творится –
Обнаглели нынче птицы!
Кыш, крылатые нахалки!
Не отведают ли вам палки?*

С этими словами воинственное пугало спрыгнуло на землю, вооружилось здоровенной палкой – и птицы проворно разлетелись. А пугало ещё долго грозило кулаком и размахивало палкой, что-то сердито выкрикивая им вслед.

«Вот ведь какое боевое пугало, – уважительно подумал Дядя-Ягодка, – как раз для моего клубничного огорода!»

Он подъехал ближе и приветливо обратился к пугалу:

– Прошу прощения, уважаемое, но я стал невольным свидетелем твоей блестящей победы: ты очень ловко расправилось с этими нахальными птицами!

– Они хотели склевать мои тыквенные семечки! – вскричала, всё ещё потрясая кулаком, фея Растрёпа: а это, конечно же, была она. – Пусть-ка попробуют снова сюда сунуться!

– Мне нравятся твоя смелость и решительность, – продолжил Дядя-Ягодка, – и я хочу предложить тебе отличную работу. Работа совсем не трудная: нужно всего лишь охранять мои клубничные грядки, потому что птицы сильно портят ягоды.

– Клубнику я люблю, – облизнулась голодная Растрёпа, – с сахаром и со сливками!

– Вот ты и сможешь её есть сколько душе угодно.

– И только-то?! Да от такой еды быстро ноги протянешь! – возмутилась фея и тут же начала загибать пальцы. – Мне нужен плотный завтрак, сытный обед и вкусный ужин. Ещё нужна удобная кровать, чтобы по ночам хорошенько выспаться. И, разумеется, выходной день. Иначе не договоримся.

«Первый раз встречаю такое удивительное пугало, – подумал Дядя-Ягодка, – оно ест, пьёт и спит по ночам. Впрочем, какая разница? Лишь бы от него на огороде был толк».

«Придётся мне немного пожить у этого жадного старикашки, – в уме прикидывала меж тем временем фея Растрёпа, – хотя бы до тех пор, пока не отыщется волшебная палочка. Так хоть с голода не умру».

– Я принимаю все твои условия, – кивнул Дядя-Ягодка, – ты будешь спать в новом огородном сарайчике, он у меня почти что домик; будешь есть за моим столом и, разумеется, охранять клубничные грядки.

– Эй, и ещё выходной! – напомнила неуступчивая фея.

На том и сговорились. Так и вышло, что фея Растрёпа, весьма некстати потерявшая свою волшебную палочку, сделалась обычным огородным пугалом.

Глава 5. Школа Волшебства

Магус, директор школы Полезного Волшебства и магистр ордена Шапок-Невидимок, кончил писать, с удовольствием потянулся и щёлкнул пальцами. Вставая с кресла, он привычным взмахом расправил свою длинную мантию, и тёмно-синий бархат, украшенный фигурками сказочных существ и усеянный мерцающими звёздочками, мягко заструился вдоль его крепкого тела.

Мантия у магистра была чудесная: волшебные птицы и звери на ней двигались, пели и даже разговаривали. Вот и сейчас, Птица-Феникс с шелестом вскинула крылья, Сфинкс громко зевнул, а Белый Единорог оглушительно свистнул – и рассмеялся, глядя на перепуганных спросонья маленьких дракончиков, верещающих, как поросята.

– Эй, мелюзга! Потихе там! – весело прикрикнул Магус, и жители мантии притихли.

Магистр взял со стола большой конверт, на котором было старательно выведено: «Моей дорогой сестрице фее Улине, в собственные руки» – и подошёл к открытому окну. За окном медленно плыли почтовые облака, всегда в изобилии окружавшие вершину Волшебной горы, на которой стояла школа. Директор слегка поманил – и одно резвое облачко тотчас подлетело и зависло рядышком. И стоило лишь положить на него конверт, как оно подпрыгнуло, развернулось – и унеслось со скоростью ракеты.

Конечно, Магус мог связаться с сестрой любым другим волшебным способом, но она по старинке любила получать от старшего брата самые обычные письма.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату протиснулась добродушного вида толстушка в крахмальном чепце и фартуке – Фея-Матушка, кулинарка, хлопотунья и всеобщая любимица: она заведовала школьным хозяйством. Фея с ног до головы была выпачкана мукой: белая дорожка так и тянулась за ней по полу.

– Ваша Волшебность, у нас опять сплошные неприятности! – затрясла она пухлыми ручками, устремляя на пол с рукавов мучные струйки. – И всё из-за юной Растрёпы...

– Растрёпа, Растрёпа, всегда Растрёпа! – Магистр весело хлопнул в ладоши. – Растрёпа здесь, Растрёпа там! Характер у неё, конечно, просто невыносимый, но с ней не соскучишься. Представьте, милейшая Фея-Матушка: вчера на Практическом Погодоведении она вызвала дождь из улиток! Ума не приложу, откуда она взяла такую пропасть улиток. А позавчера – оживила стулья и табуретки...

– ...да-да-да, и мы целый вечер гонялись за ними по всей школе, – устало вздохнула Фея-Матушка, вздувая над своей головой мучное облачко. – Обидно, Ваша Волшебность: мою любимую дубовую скамейку из библиотеки так и не удалось изловить...

Магус рассмеялся:

– Думаю, она улизнула в Очень Дремучий Лес на восточном склоне горы. В тот самый, который наша неумолимая Растрёпа ухитрилась вырастить из семян укропа обыкновенного. Помните, на том прошлогоднем уроке Чудесного Садоводства? И вдобавок, на всякое подобное происшествие она миглом сочиняет потешный стишок. Как это там у неё было? Э-э-э...

Вспоминая, директор по привычке прищёлкнул пальцами:

Это кто по лесу скачет?

То ли – белка, то ли – зайчик,

То ли – шустрых жаб семейка...

– ...нет – дубовая скамейка! – грустно закончила Фея-Матушка, и опять шумно вздохнула в облаке мучной пыли, вспоминая свою ускользнувшую четвероногую любимицу.

Магистр улыбнулся:

– Так что же случилось с нашей проказницей-феей на этот раз?

– Сегодня был весенний экзамен по волшебным перемещениям. И Растрёпа куда-то пропала! – озабоченно пролепетала Фея-Матушка. – Все феи-ученицы давно вернулись, пообедали и играют в прятки-невидимки. Одной Растрёпы нет как нет!

– Не расстраивайтесь, Фея-Матушка! Похоже, эта юная непоседа тоже решила немного поиграть с нами в прятки. Что ж, поищем-ка её на нашем глобусе, – предложил директор, – на нём не спрячешься!

Магус подошёл к огромному глобусу, стоявшему в углу под книжной полкой, и слегка крутанул его. Глобус закрутился – сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Это был особенный глобус – Безграничный Мирр на нём был настоящим, только очень-очень маленьким: моря сменялись пустынями, пустыни – равнинами; на горных вершинах искрился чистейший снег; реки весело бежали сквозь зелень лесов, водопадами срываясь с обрывов, разливаясь среди лугов синими искрящимися озёрами; мелькали россыпи городов, крепости и деревушки. И всё, на чём останавливался пристальный взгляд наблюдателя, мгновенно начинало расти: можно было различить холмы и деревья, рассмотреть мосты, дороги, башни, купола; заглянуть в окна домов и пересчитать торговков на рыночных площадях.

Магистр Магус не отрывал от глобуса внимательных глаз.

– Вот! – воскликнул он наконец, ткнув пальцем в крошечное клубничное поле на окраине пёстренького Торгуй-Городка, знаменитой на весь Мирр столицы обширной Рукоделии.

Затаив дыхание фея-хозяйка осторожно склонилась над глобусом. Она увидела, как на клубничных грядках краснеют спелые ягоды, а над ними порхают бабочки, снуют неутомимые пчёлы, кружат птицы. И посреди этого восхитительного мирка скачет пропавшая Растрёпа! Она высоко подпрыгивает, машет руками, грозит кому-то кулаком.

– Что это? – озадаченно прошептала Фея-Матушка. – Что она делает?

– Разве вы не видите, добрейшая Фея-Матушка? Она отгоняет птиц. Похоже, наша Растрёпа служит теперь огородным пугалом! – директор Волшебной школы хихикнул, как озорной мальчишка; неугомонные звери на его мантии мигом распрыгались, да так резво, что Магусу пришлось несколько раз хлопнуть в ладоши, призывая их к порядку.

– Но почему же, почему она не возвращается, Ваша Волшебность? – Фея-Матушка огорчённо всплеснула руками – и в воздух взметнулся целый мучной вихрь.

Магистр сморщился и зачихал.

– Разумеется, она не может вернуться, – проворчал он, отмахиваясь краем мантии от назойливого мучного тумана, – потому что опять потеряла волшебную палочку! Вот и ищи её теперь...

Директор щёлкнул пальцами, и с полки, прямо ему на нос, спрыгнули очки. Эти замечательные очки всегда помогали Магусу в его поисках: стоило взглянуть сквозь них на глобус – и каждый волшебный предмет, где бы он ни был, начинал светиться ярким огоньком. У волшебных палочек огоньки были золотые.

– Ага, что я говорил? Вот она, наша палочка! – довольно потирая руки, объявил директор, приметив на глобусе золотую искорку. – Она попала... она попала... ага, вижу-вижу – в зеркальную мастерскую. Ну разумеется, Растрёпа потеряла палочку, когда вертелась перед зеркалом! Что, разве я не был прав? Юных особ ни за что нельзя подпускать к зеркалам! Хорошо, что я не поддался на недавние уговоры сестрицы Улины и не отменил свой давнишний запрет.

Добрая Фея-Матушка совсем расстроилась.

– Кто же выручит Растрёпу? – горестно вздохнула она, раздувая вокруг себя тончайшую мучную метель. – Бедняжка в ужасном положении...

– Это станет ей прекрасным уроком, – строго заметил магистр магии, – чтобы впредь не нарушала школьных правил и не теряла бесценного волшебного инвентаря. Да-да, пусть

немного побудет пугалом, а ворону Карклу поручим за ней присмотреть, чтобы ещё каких-нибудь несурзностей не натворила.

– А как же её волшебная палочка? Если она угодила к людям, действительно могут случиться беды!

Директор кивнул:

– Да-да, тут вы правы, Фея-Матушка! Палочку надо вернуть, и как можно быстрее. А отправим-ка мы за ней нашего Слончика! Я думаю...

Он не успел договорить – дверь с треском распахнулась, и в комнату влетел довольно странный субъект. С виду это был здоровенный, в человеческий рост, заяц – только с хоботом вместо носа, длинными ушами и тонким слоновьим хвостиком, продетым наружу сквозь специальную дырочку в синих шёлковых штанах.

– Я готов! – завопил ушастый. – Я возвращу волшебную палочку! Немедленно, сейчас же, сию минуту!

– Слончик! – строго одёрнул его магистр Магус. – Ты что, опять под дверью подслушивал?

Слончик стыдливо опустил хобот.

– Разве я виноват, что у меня такие большие уши? Они сами всё-всё слышат. Плохие, плохие уши! – и он так потешно зашлёпал лапками по своим провинившимся ушам, что все присутствующие, в том числе и общительные зверюшки на директорской мантии, не смогли удержаться от дружного смеха.

Заметив, что он в центре внимания, Слончик приободрился, запрыгал по комнате и зататорил:

– Я готов отправиться в любое путешествие! Даже в самое опасное! Лучше меня вы всё равно никого не найдёте: я ловкий, быстрый, смелый, обаятельный! Я высоко прыгаю – выше всех в Мирре! Я умею лазать по деревьям! Я слышу всё – даже чужие мысли! Я...

– Немедленно перестань хвастаться, Слончик, – прервал его похвалу магистр Магус, – а то я передумаю и пошлю за волшебной палочкой кого-нибудь другого. Кого-нибудь... поскромней.

Слончик обиженно заморгал:

– Ничего я не хвастаюсь, всё это – чистая правда, ведь я никогда не вру, я самый правдивый рассказчик на белом свете! И я же не виноват, что я такой талантливый? Но если вам так хочется, я больше не скажу ни единого словечка правды – я стану самым завравшимся вруном среди завирушек! Я готов врать без умолку, лишь дайте, дайте мне совершить этот подвиг!

Слончик уже целых три года жил в Волшебной школе.

Как-то раз, во время сбора лекарственных трав, юные феи повстречали его в лесу, одинокого, растерянного, страшно голодного – и привели с собой. Ученицы упростили директора Магуса приютить беднягу.

Слончик не помнил, кто он и откуда пришёл, не знал, сколько ему лет. Только одно он знал точно: он должен совершить подвиг, обязательно и непременно. Он постоянно думал об этом, он мечтал об этом день и ночь.

Он мечтал о подвиге даже во время обеда, уплетая в столовой за обе щеки вкуснейшую стряпню Феи-Матушки.

И сейчас он с такой мольбой смотрел на Магуса, что директор сдался:

– Ладно уж, Слончик, отправляйся в путь. Только поскорее!

– А я тебе испеку пирожков на дорожку, – обрадовалась Фея-Матушка. – У меня как раз и тесто поднялось. Я быстренько!

Глава 6. Ворон Каркл и чудесные пирожки

Фея-Матушка пекла пирожки.

В большой и очень уютной кухне жаром дышала старинная печь, в деревянных мисках высоко поднималось и пытело воздушное тесто. На длинном столе крутилась в белом мучном облаке неумолимая волшебная скалка, раскатывая ровные лепёшки-кругляши; пухлые руки Феи-Матушки порхали над ними, раскладывая начинку. Длинные и кругленькие, треугольники и конвертики, в форме полумесяца и в виде лодочки – пирожки рядами укладывались на противни и отправлялись в горячую духовку.

Какой чудесный запах наполнял кухню! Он вылетал в раскрытые окна, плыл между почтовыми облаками; там его подхватывал ветер и разносил по лесистым склонам Волшебной горы. Белки на деревьях раздували чуткие ноздри, полевые мышки замирали и принюхивались, даже угрюмые волки облизывались. Птицы вплотную подлетали к кухонным окнам – и самые смелые даже опускались на подоконники.

А ветер нёс запахи по Мирру, всё дальше и дальше. Пахло ванилью и корицей, клубникой, яблоками и мёдом. Люди распахивали окна, смотрели в небо и улыбались:

– Какой чудесный запах! Не иначе как феи небесные пекут сегодня свои волшебные пирожки...

* * *

Фея Растрёпа прыгала между грядками, разгоняя птиц и покрикивая. И вдруг остановившись как вкопанная, она потянула носом воздух.

«Какой вкусный запах! Это похоже... это похоже... это похоже на запах сладких пирожков Феи-Матушки! Конечно, Фея-Матушка печёт сегодня свои славные *пирожочки!*»

*Славный сладкий пирожок –
Прыгай в руку, мой дружок!
Я обидеть не хочу,
Просто – ам! – и проглочу.*

«Да-да, – бормотала Растрёпа, – пирожки Феи-Матушки лучшие на свете! Но как же это несправедливо: сейчас фейки-обжорки усядутся за стол без меня, будут их есть, слопают все – все до единого! А мне, бедняжке, ничегошеньки не достанется. Это нечестно, нечестно!»

И обиженная фея затопала ногами так яростно, что целая стайка осмелевших было крылатых воришек, пронзительно гомоня, взвилась в небо. Растрёпа погрозила им вслед кулаком: «Кыш! Раз уж мне не достанется вкусных пирожков, не видать и вам этих ягод!»

*Вам, обжоры-птицы,
Тут не поживиться:
Здесь запретная еда –
Здесь охрана хоть куда!
Будь ты птица или мышь –
Кыш!*

Тут Растрёпа обнаружила, что один большой ворон нисколечко не испугался её угроз. Напротив, он преспокойно расхаживает среди грядок, горделиво поглядывая по сторонам. «Ну держись ты у меня, воображала!» – подумала фея. Она подняла с земли большую палку и только-то собралась метнуть её в крылатого наглеца, как с удивлением обнаружила, что ворон

уже сидит на кончике этой самой палки и смотрит в Растрёпины глаза с укоризной. Только теперь юная фея заметила, что ворон этот не простой: на правой ножке у него было серебряное колечко, в левом крыле – серебряное перо.

– Ворон Каркл, – вскричала Растрёпа, – личный секретарь директора Магуса! Откуда ты взялся?! А-а-а, так тебя конечно же прислали за мной. Наконец-то догадались, ура! Давай-ка поспешим обратно в школу: может, успеем вернуться до ужина, пока там прожорливые фейки ещё не все пирожки слопали.

Ворон лукаво глянул на Растрёпу и моргнул левым глазом.

– Лично я никуда спешить не собираюсь, – прокаркал он. – Магистрр Магус ррешил, что, рраз уж ты попала в такую куррьёзную исторрию, стоит тебе и тут чему-нибудь полезному поучиться. Что-то ввроде незапланированной летней практики.

– Тоже мне – практика! Да чему тут учиться? Ворон пугать? – возмутилась фея-ученица. – Для этого большого ума не надо: кричи погромче да палкой размахивай! Эти птицы такие тупицы, хм... я, конечно, не имею в виду лично тебя. Каркл, миленький, помоги мне вернуться домой, в школу!

Растрёпа нарочно тёрла сухие глаза, точно вот-вот расплечется.

Но ворон был неумолим.

– Зря прритворяешься, юная Ррастррёпа, меня не проведёшь! – заметил он. – За все прроделки прриходится ррасплачиваться: ты уже вторрично потерряла волшебную палочку, очень ценную учебную палочку, а для феи-ученицы ничего хуже прросто и быть не может. Подумай-ка, рразве мало непрриятностей вышло в пррошлый рраз?

Растрёпа довольно хихикнула, прикрывая ладошкой рот: в прошлый раз её палочка целый месяц путешествовала по Мирру, привязанная к хвосту воздушного змея.

– Так что порработай-ка на огороде, – продолжил ворон. – А пока магистрр тебя не прпростит, будешь под моим стррожайшим пррисмотром.

И Растрёпа поняла, что спорить с ним бесполезно.

* * *

А в это время Слончик, с мешком аппетитных пирожков за плечом, как раз торопился совершить долгожданный подвиг. Один прыжок, другой, третий – и он уже внизу, у подножия Волшебной горы. Ещё прыжок – и он в долине, на опушке дремучего леса. Прыг-скок – и вокруг храбреца непроходимая лесная чаща. Хоп! – и весь лес остался позади. Вот как резво скакал Слончик!

Неудивительно, что не успело ещё и солнце зайти, как он оказался на окраине Торгуи-Городка. Чтобы дождаться темноты, будущий герой спрятался в кустах, на берегу тихой речки. Он не скучал: целый мешок пирожков хоть кому составит приятную компанию.

Наконец солнце скатилось за гору: пора было действовать.

На ходу дожёвывая последний пирожок, пыхтящий Слончик пробрался безлюдными улочками к дверям зеркальной мастерской, затаился, прислушался.

Внутри было тихо.

«Подвиг начинается: вперёд!» – шёпотом скомандовал он сам себе, осторожно втискиваясь в распахнутое окошко.

Ему повезло, в мастерской уже спали: в Торгуи-Городке рано ложились спать, потому что работать начинали с рассветом. Подмастерья сладко посапывали на своих соломенных матрацах, брошенных прямо на пол; их одежда висела на гвоздиках, вбитых в стену. Слончик на цыпочках пробрался между спящими и стал рыться в карманах их потрёпанных курток. Но ему попадались лишь мелкие монеты, ореховая скорлупа, пружинки-винтики да хлебные крошки – волшебной палочки не было нигде.

Слончик искал на полках, в ящиках стола, потом прокрался на кухню. Но там его ждали лишь старательно выскобленные едоками миски да погнутые от голодного усердия ложки.

«Эй, где же ты прячешься, палочка-пропалочка? Отзовись! – бормотал себе под нос ночной посетитель. – Всё равно не спрячешься от меня, самого ловкого в мире охотника за волшебными палочками!»

Он вернулся в мастерскую и осторожно, стараясь не разбудить спящих, начал шарить в постелях и под матрацами. Это оказалось непросто: храпящий Бумбан, переворачиваясь на другой бок, локтем въехал Слончику в самое ухо, сопящий Хватыш пребольно лягнул его ногой, а Смихля от прикосновения Слончикова хобота заверещал сквозь сон: «Ой, щекотно, щекотно, не могу! Ой, перестаньте!»

Перепуганный Робсик проснулся от шума, заревел и перебудил остальных. «Чудище! Здесь чудище! – рыдал Робсик. – Спасите-помогите!»

Бумбан мигом зажгёт фонарь, и мальчишки увидели Слончика: в зыбком свете фонаря он, с его хоботом и длиннющими ушами, действительно показался им настоящим страшилищем. Подмастерья дружно завопили, их крик разбудил спавшего за стенкой мэтра Амальгамыча, и тот примчался босиком, забыв в суматохе про свои ночные шлёпанцы.

Короче, поднялся такой переполох, что даже самоуверенный Слончик немного растерялся – и забился в угол, затравленно озираясь. Тут-то он и заметил в руке у сонного Страшика предмет своих поисков: волшебную палочку. Недолго думая, Слончик выхватил её и улизнул в окошко.

Прыг-скок – чудища и след простыл. Попробуй, догони такого!

Мэтр Амальгамыч и подмастерья долго не могли опомниться от ночного происшествия и всё гадали, что за диковинный зверь забрался в их мастерскую и зачем он отнял у Страшика такую бесполезную ерунду – какую-то деревянную палочку. Но потом все начали зевать, тереть глаза – и в конце концов затворили окошко и улеглись спать.

Неугомонный Смихля шумно ворочался в постели, испуганный Робсик никак не мог унять дрожь. А Страшик грустил: ему было жаль украденной палочки.

Один Дрёмс всё проспал. Он всегда спал очень крепко.

Глава 7. Экзамен

Ученики мэтра Амальгамыча готовились к выпускному экзамену: целыми днями они мастерили свои зеркала, все очень старались. Хватыш рвался поскорее стать самостоятельным и открыть собственную мастерскую, чтобы заработать кучу денег. Робсик боялся плохой работой рассердить учителя, он всегда всего боялся. А Бумбану до чёртиков надоела учёба, ему хотелось покончить с ней и наконец вырваться на свободу: он мечтал о путешествиях и опасных приключениях. Смихле же просто нравилось делать зеркала, потому что в них отражались забавные рожицы, которые он постоянно корчил.

Даже соня-Дрёмс, хоть и позёвывал, работал прилежно.

Страшик же старался больше всех, в глубине души он надеялся, что его зеркало всё-таки станет волшебным – ну хоть самую малость!

Наконец зеркала были готовы, и их выставили в витрине мастерской, на всеобщее обозрение. Вроде – зеркала как зеркала: мало ли на белом свете зеркал?

Но внимательный наблюдатель наверняка заметил бы, что прохожие подолгу, не отрывая глаз, любовались собой в новеньком зеркале Страшика; что замирали перед зеркалом Дрёмса, точно всматриваясь во что-то неведомое – а потом удивлённо толкали друг друга и трясли головами, словно прогоняя наваждение; что у зеркала Робсика все приосанивались, расправляли плечи, решительно посматривая по сторонам, а от творения Бумбана кто-то сердито спешил прочь, а кто-то, напротив, отходил с довольной улыбкой.

Только перед Смихлиным зеркалом постоянно толпилась неутомная детвора: там царило безудержное веселье.

– Вот видите, – торжествовал Смихля, – у меня и без волшебства получилось моё Смешильное Зеркало!

– Ерунда у тебя получилась, а не зеркало, – ворчал Хватыш, – кривлялка для мартышек.

Хватышу было завидно, ведь на его зеркало совсем не обращали внимания: глянут вскользь – да и пойдут себе дальше, не оборачиваясь.

Мэтр Амальгамыч то радовался, то грустил: он гордился своими мальчиками, ставшими теперь отличными мастерами. Но ему так не хотелось с ними расставаться...

Однако детство кончилось, и теперь бывшим ученикам предстояло покинуть мастерскую, где они столько лет осваивали зеркальное ремесло, покинуть родной Торгуй-Городок, чтобы отправиться по Безграничному Мирру в поисках своей судьбы.

Старый зеркальщик напёк подмастерьям румяных лепёшек на дорогу, потом обнял каждого из них и напоследок сказал: «Возьмите с собой свои зеркала. Жизнь подскажет вам, как поступить с ними. Но я уверен, что они обязательно принесут всем удачу».

Юные мастера спрятали зеркала в свои дорожные сумки, простились с любимым учителем и отправились в путь. Стараясь сохранить любимые места в своём сердце, они не спеша прошли знакомыми улочками, пересекли шумную Рыночную площадь, полюбовались цветным фонтаном у Колокольной башни.

Вскоре город остался позади: слева и справа потянулись поля, огороды, деревенские домики – и наконец путешественники поравнялись с клубничным полем Дяди-Ягодки.

«Смотрите, смотрите! – воскликнул Смихля. – Да это же то самое пугало – помните?! Видите, вон оно руками махает, скачет и вопит! Вот потеха!»

Мальчики остановились и с интересом стали наблюдать за странным пугалом. Растрёпа – а это конечно же была она – старалась в полную силу: птицы так и разлетались во все стороны.

Вдруг фея заметила зрителей на дороге. «Эй, чего вытаращились? – закричала она. – Это вам не балаганчик тут, с клоунами! Проваливайте и не вздумайте воровать клубнику, а то и

вам не поздоровится!» В ответ мальчишки расхохотались, отчего Растрёпа пришла в ярость: она стала кидать в насмешников палки и комья земли.

«Идёмте-ка отсюда, братцы, – заторопил Страшик, – а то это злющее пугало все наши зеркала перебьёт!» Хохочущие подмастерья отправились дальше, а сердитая фея плюхнулась на землю и разревелась.

– Какая я несча-а-астная! – запричитала она. – Все смеются надо мной, даже эти глупые мальчи-и-ишки! Неужели я всю жизнь буду торчать пугалом на этом противном огоро-о-оде?!

Ворон Каркл осторожно опустился на её плечо:

– Ничего, Растррёпа, ничего. Придётся немного потерпеть. Лишь бы отыскалась твоя волшебная палочка, карр.

– Тогда я иду её искать, – заявила фея. – И иду сейчас же!

– Ты опоздала, фея-ррастерряха, за твоей палочкой уже отправился Слончик.

– Слончик?! – встrepенулась Растрёпа. – Как?! Моя жизнь сейчас зависит от этой прожорливой трешотки с хоботом?! Вот, значит, из-за кого я тут целую вечность торчу, на этих противных грядах? Не слишком-то он торопится!

– Он прропал, Ррастррёпа, прропал вместе с волшебной палочкой: уже целый месяц от него нет вестей. Даже сам дирректорр не может рразыскать Слончика.

– А вот я его найду! Разыщу! Поймаю! Из-под земли достану! – мрачно пообещала Растрёпа. – Я ему покажу, как пропадать бесследно: он у меня быстренько научится ушами птиц разгонять!

Рассерженная фея вскочила и решительно зашагала в сторону дороги.

Каркл тревожно кружил над её головой.

– Не торропись, Ррастррёпа, – кричал ворон. – Мирр такой большой, куда ты пойдёшь?

– Всё равно – куда, лишь бы подальше от этих гадких ягод и этих надоедливых птиц, – отмахнулась уходящая фея.

Хочешь не хочешь, а пришлось мудрому ворону следовать за ней.

Глава 8. Назлоб

Назлоб сидел на крыше своего мрачного замка и курил колдовскую трубку. Каждый вечер он выкуривал трубку, наблюдая, как солнце медленно сползает за горизонт. Ему казалось, что это он, Назлоб, самый могущественный в Безграничном Мирре колдун, прогоняет солнце с неба. «Давай-давай, глупая лампочка, – подгонял светило злобный волшебник, – проваливай побыстрее! И лучше бы тебе никогда сюда не возвращаться».

Назлобу нравилась только ночь, и он хотел, чтобы ночь на земле длилась вечно. Весь Мирр бы тогда погрузился во тьму, умолкли бы ненавистные крикливые птицы, осыпались с деревьев надоедливо шуршащие листья, перестали бы цвести эти гадкие цветы, от запаха которых у него каждую весну начинается невыносимый насморк.

Безмолвие, холод и тьма – это так прекрасно!

Солнце скрылось, и теперь колдун смотрел на звёзды. Отсюда они казались крошечными: сверкающие точки на небе, алмазная россыпь.

Волшебнику нравились драгоценные камни.

Назлоб только что вернулся из странствия – он странствовал в тёмных подземных мирах, набираясь опыта среди злых духов и ужасных теней. Раз в году колдун устраивал себе такие увлекательные каникулы.

За его спиной послышался чуть заметный шорох, но Назлоб не оборачивался: он знал, что это его коварный помощник Повредитто прокрался на крышу. Повредитто всегда тайком следил за хозяином: подсматривал, подслушивал. Он был очень вредный, жадный и упрямый – а лучшего слуги для злобного колдуна и придумать нельзя.

– Эй, Повредитто! – окликнул Назлоб. – Вылезай, я тебя застукал! Плохо прячешься.

Повредитто высунул свой длинный нос из-за печной трубы, втянул дурмящий запах чёрного табака от хозяйской трубки, фыркнул, потом опасливо подобрался к колдуну и скрючился сбоку.

– Ты всё делаешь плохо, – строго сказал Назлоб. – Ты – скверный слуга.

Повредитто гаденько улыбнулся: слова хозяина были для него лучшей похвалой.

– Вы знаете, хозяин, как сильно и преданно я вас ненавижу! – низко кланяясь, воскликнул он.

Назлоб удовлетворённо кивнул.

– Расскажи, что произошло в Мирре за время моего отсутствия, – приказал колдун.

– Я вас не порадую, хозяин: всё было недостаточно плохо, – затараторил Повредитто, – как обычно. В этом Безграничном Мирре – увы! – случается слишком много хорошего. Правда, в одну вашу хитроумную ловушку всё же попалась кое-какая любопытная добыча...

Колдун злорадно хмыкнул: он любил охотиться, правда – на свой особый, злобный вкус. С помощью волшебства он возводил невидимые стены поперёк дорог – и летящие птицы насмерть разбивались о них, а люди в кровь расшибали лбы и в ужасе бежали прочь. Он заманивал путников в лабиринты горных пещер, из которых невозможно было выбраться. Он творил обманные колдовские мосты через бурные реки и пропасти: ступив на такой мост, обречённый путник внезапно обнаруживал, что под ногами у него разверзлась смертоносная бездна...

Но особенно нравились колдуну замаскированные ямы-ловушки. Тот, кто попадал в такую ловушку, становился пленником злого чародея: у Назлоба была особая темница в подземелье мрачного замка. Он называл её своей коллекцией.

Именно в такую яму и угодил несчастный Слончик.

* * *

Слончик мчался по дороге, преисполненный гордости, что так быстро и так ловко справился с заданием магистра Магуса. Поэтому он высоко задирал свой хобот и вовсе не смотрел под ноги. Да и зачем смотреть под ноги тому, кто только что совершил долгожданный подвиг, кто спас целый Мирр от неприятностей – и возможно, от настоящих катастроф – вовремя вернув волшебную палочку?

Р-раз! – и свежеиспечённый герой с треском провалился в колдовскую ловушку. Ловушка эта была слишком глубокой, а Слончик – слишком тяжёлым, ведь как раз перед этим он объелся пирожками Феи-Матушки. И как ни старался посланец Магуса, как ни прыгал – выпрыгнуть из ямы он так и не смог.

От усталости и обжорства Слончика потянуло в сон, и он решил вздремнуть часок-другой, чтобы потом с новыми силами выбраться на свободу. На всякий случай Слончик спрятал волшебную палочку внутрь хобота, ведь он мог дышать и ртом; потом свернулся калачиком и крепко уснул – так крепко, что из пушки не разбудишь.

Спал он, видимо, очень долго и очень крепко, потому что проснулся, к великому своему удивлению, вовсе не в яме, а за решёткой, в подземной темнице колдуна Назлоба.

В темнице было мрачно, сыро и холодно.

А ещё там был гадкий Повредитто: он бесцеремонно светил фонарём сквозь ржавые прутья решётки – прямо в глаза растерянному спросонья Слончику.

– Эй, длинноносый! – окликнул его Слончик. – Выпусти-ка меня отсюда немедленно, а то хуже будет! Я доверенное лицо самого могущественного во всём Безграничном Мирре волшебника Магуса и сейчас выполняю его важное поручение! Если он узнает, что мне тут у вас причинили хоть малейший вред, тебе не поздоровится.

– Это я-то – длинноносый?! – возмутился Повредитто. – Кто бы говорил! Лучше на себя посмотри, чучело: такого безобразного слоновьего носа нет даже у знаменитого Карлика-Носа! А уши?! А хвост-то, хвост! Нет, не зря я тебя сюда тащил, надрывался: хозяин будет доволен. Ведь такой образины в нашей коллекции ещё не бывало!

Повредитто обидно расхохотался, время от времени сквозь смех приговаривая: «Ой, не могу! Ой, чучело!» Наконец он уgomонился, вытер рукавом мокрые от смеха глаза и объявил:

– Ты находишься в самой тёмной темнице на всём белом свете! Здесь никто и никогда тебя не найдёт, даже твой предобренький Магус-Бумагус. А когда вернётся мой хозяин, ужасный Назлоб, он уж сам придумает, что с тобой делать – он такой выдумщик!

Вот так Слончик исчез бесследно, и никто не мог его отыскать, потому что темница Назлоба была плотно окутана злыми колдовскими чарами.

Правда, у Слончика была при себе волшебная палочка феи Растрёпы.

Но – увы! – бедняга не умел ею пользоваться.

* * *

– Значит, в моей коллекции появился уродец, утверждающий, что он – подручный Магуса? – задумчиво произнёс Назлоб, выслушав обстоятельный рассказ своего слуги. – Если он не врёт, это кстати: через него я доберусь наконец до Магуса и его дурацкой школы. Пора навести там порядок, а то эти добренькие феи совсем обнаглели, настоящему колдуну уже и шагу ступить нельзя без того, чтобы на них не наткнуться. Везде сплошные феи, разве что по голове не скачут!

И Назлоб тотчас спустился в темницу, взглянуть на пленника. Повредитто, очень гордый собой, с фонарём в руке сопровождал хозяина.

Слончик спал в углу своей камеры, на грязной соломе. Назлоб долго рассматривал его – и наконец пробормотал:

– Помню, помню эту образину. Однажды мне попался в лесу наглый мальчишка, он осмелился выпустить птиц из моих колдовских ловушек. Сначала я хотел просто испепелить его

на месте, но потом передумал. И превратил наглеца в этого жалкого уродца, над которым все потешаются. И он даже не помнит, что когда-то был человеком, потому что я лишил его памяти – хы-хы-хы! Эй ты, чучело, просыпайся!

Назлоб пнул Слончика носком своего тяжелого сапога, расшитого драгоценными камнями. Слончик вскочил и спросонья захлопал ушами.

– Говорят, ты служишь у добряги Магуса, красавчик? – язвительно протянул колдун.

Слончик зевнул – и гордо выпятил грудь:

– Я его самый важный помощник! Отпустите меня, а то...

– Если у него все помощники такие, – ухмыльнулся Назлоб, – плохи его делишки. И что же ты делаешь для Магуса? Стоит заметить, что на прекрасную юную фею ты не слишком похож.

– Я выполняю его особые поручения! – хвастливо воскликнул Слончик. – Самые-самые важные! Вот и сейчас он поручил мне принести...

Слончик запнулся: он вдруг сообразил, что здесь нельзя рассказывать о волшебной палочке, потому что её сразу отнимут – и из героя он мгновенно превратится в лопоухого растяпу.

– Ну-ну, продолжай, – подбадривал Назлоб. – Что же ты должен был принести нашему всемогущему Магусу?

– Я... э-э-э... я... Я должен был принести... редкую морскую капусту для праздничных пирожков! – выпалил наконец несчастный пленник. – Магистр... э-э-э... любит пирожки с морской капустой. Да. Но я... я её нечаянно по дороге всю съел!

Назлоб и Повредитто переглянулись.

– Я не верю ни одному его слову, – шепнул своему помощнику колдун, – ни единому! Этот уродец что-то от нас скрывает. Подлей-ка нынче ему в похлёбку сонного зелья и обыщи хорошенько.

Глава 9. У костра

Усталая Растрёпа еле плелась по лесной дорожке. Ворон Каркл летел за ней, держась чуть в стороне – что ни говори, настроение у его спутницы было скверное, а палок и шишек на тропинке валялось вдоволь.

– Всё! Хватит! – буркнула фея, сердито плюхаясь на мшистую кочку. – Уже вечер, того и гляди ночь наступит, а этот дурацкий лес всё не кончается и не кончается! Я устала, я есть хочу! Лучше бы мне было остаться на клубничном поле. Это всё из-за тебя, вредная птица!

Ворон Каркл опустил на ветку над самой Растрёпиной головой и осмотрелся.

– Я вижу впереди костёрр, – прокаркал ворон, – совсем ррядышком. Где костёрр, там обязательно и странники. Только надо сперрва рразведать, какие это странники...

Но Растрёпа слушать мудрого ворона не стала.

Там, где люди – есть еда!

Остальное ерунда!

Фея рванула к костру, на свет, что мелькал впереди сквозь сосновые стволы и ветки. И вскоре, проломив стену густого малинника, она с громким треском вывалилась на лесную полянку, насмерть перепугав отдыхавших у огня людей.

«Медведь!» – взвизгнул кто-то. И с криками: «Спасайтесь, медведь, медведь!» – путники разбежались по лесу.

Изголодавшаяся фея уселась возле костра, без тени смущения позаимствовала из чужих припасов, разложенных на льняном полотенце, парочку лепёшек – и стала жадно откусывать то от одной, то от другой. Тем временем испуганные хозяева лепёшек, прячась за деревьями, начали осторожно возвращаться к огню. Обнаружив на полянке не медведя, а нахально объедавшуюся Растрёпу, они не на шутку разозлились.

– Посмотрите, это же наглое пугало! – воскликнул Смихля, один из путников. – Оно пожирает наши лепёшки!

– И оно почти уже всё слопало! – завопил Хватыш, другой путник.

– Ну я ему сейчас покажу, бум-бам! – мрачно пообещал третий путник, Бумбан, высккивая на полянку; следом за ним и остальные поспешили к костру, угрожающе размахивая кулаками.

Один лишь Робсик испуганно прятался за чужими спинами.

Растрёпа вскочила и приготовилась к обороне.

– Ну-ну, попробуйте-ка, троньте меня – враз пожалеете! – пробурчала она с набитым ртом. – Я всех вас заколдую! Быстренько превращу в пауков, червяков и лягушек! Я – могущественная фея!

– Ты?! – усмехнулся Дрёмс. – Что-то не похоже!

– А вот тронь меня – и узнаешь, похоже или нет! – грозно пообещала Растрёпа.

Не привыкла я болтать,

Я привыкла колдовать:

Всякий в этом убедится,

Если в жабу превратится!

– Не верьте ей, какая она фея? Растрёпанная, грязная. И чужие лепёшки без спросу тырит, – хмыкнул Смихля.

– Да, братцы, на фею она ничуть не похожа, – задумчиво произнёс Страшик, разглядывая Растрёпу. – Феи должны быть красивыми...

– Лучше на себя посмотри, страшила, – обиженно пробормотала Растрёпа.

Она показала Страшику язык – и внезапно громко разревелась.

Мальчишки удивлённо переглянулись.

– Надо же – пугало, а ревьёт, как девчонка, – покачал головой Смихля. – Эй, пугало, не реви, не будем мы тебя лупить!

– А я вас и не бою-ю-юсь! – проревела Растрёпа. – И никакое я не пу-у-угало! Я – самая настоящая фе-е-ея!

– Да, она действительно фея, – послышался сверху скрипучий голос.

Мальчишки подняли головы. На ветке, прямо над ними, сидел огромный ворон, странный ворон: на правой ножке у него было серебряное кольцо, в левом крыле – серебряное перо.

– Это кто сказал? Это, ворон, ты сказал? – тихо спросил Страшик.

Ворон махнул крылом.

– Это волшебный ворон Ка-а-аркл! – прорыдала Растрёпа, вытирая нос грязным шёлковым рукавом. – Он моя личная охра-а-ана!

– Значит, ты не врешь? – удивились мальчишки. – Ты и вправду фея?

Растрёпа кивнула.

– Тогда не реви, раз уж фея, – посоветовал Дрёмс. – Лучше расскажи, как сюда попала.

Но фея никак не могла успокоиться. Мальчишки не знали, что и делать, пока сообразительный Смихля не вынул из сумки своё новенькое зеркало и не поднёс его к самому лицу растрёпанной плаксы:

– Посмотри, какая ты сейчас смешная. Просто обхохочешься!

Растрёпа сердито глянула в зеркало разок-другой, хмыкнула, заулыбалась – и наконец заливисто рассмеялась. К ней мигом присоединились и остальные.

– Это всё моё зеркало, – хвастался довольный Смихля. – Может, оно и не волшебное, но хоть кого до икоты рассмешит!

Быстро сжевав ещё одну лепёшку, Растрёпа окончательно успокоилась и рассказала всё: и о школе фей, и о неудачном экзамене по волшебным перемещениям, и о собаке-воришке, и о Дяде-Ягодке, и о клубничном поле. И вдобавок – о своей потерянной волшебной палочке.

Все слушали Растрёпу очень внимательно, особенно Хватыш: он мигом догадался, что за палочку подобрал Страшик и зачем приходило к ним ночью длинноухое чудище.

Хватыш потихоньку отодвинулся от костра и, зажав подмышкой свою сумку, незаметно прокрался за ближайший куст. Он торопливо вынул зеркало: в рыжих отсветах огня из тёмных глубин стекла на него таранился его настороженный двойник.

Хватыш быстро сунул руку в карман – и замер от счастья: карман был полон звонкими монетами! Полнёхонек оказался и второй.

– Ура! Сработало! – вскричал Хватыш, тут же испуганно зажимая себе рот.

Но его товарищи были настолько поглощены рассказами Растрёпы, что ничего не заметили.

– Всё получилось: моё зеркало – волшебное! И почему мне раньше не приходило в голову его проверить? Это же настоящее Зеркало Богатства, а я теперь – настоящий богач! Теперь я, Хватыш – самый богатый человек на свете! – шептал он, крепко сжимая драгоценное зеркало. – У меня будет столько денег, сколько я захочу – и даже гораздо больше!

От радости у бывшего подмастерья закружилась голова. И тут же внезапное богатство ударило ему в голову – на Хватыша накатил приступ жадности: он вдруг испугался, что сейчас и остальные мальчишки обо всём догадаются, что они тоже сообразят, какое полезное зеркало он сделал, завидовать станут, ведь сами-то напридумывали всякую бесполезную ерунду.

Потребуют с ними деньгами поделиться, а то и вовсе зеркало отнимут: вон у Бумбана какие кулачищи!

– Надо бежать, – смекнул Хватыш, – бежать отсюда, пока не поздно!

Он тщательно застегнул набитые деньгами карманы на все пуговицы и бережно уложил зеркало в сумку; потом тихонько, стараясь не хрустеть сухими ветками, выбрался на лесную дорожку и поспешил прочь.

Новоявленный богач действовал так осторожно, что остальные подмастерья ничего не заметили. Они слушали Растрёпу, смеялись над её шутками, задавали вопросы – и заснули все лишь под утро.

* * *

Хватыш пробирался сквозь тёмный лес, дрожа от страха: за каждым кустом ему мерещились свирепые звери, кровожадные злодеи и неведомые страшилища. Он с тоской вспоминал жаркий костёр, возле которого было бы так уютно коротать ночь, вспоминал товарищей, за годы учёбы успевших стать ему настоящими братьями.

Но жадность была сильнее страха.

– Ничего-ничего, – бормотал Хватыш, крепко прижимая к груди дорожную сумку с зеркалом, – пусть мне сейчас страшно, пусть, пусть! Зато я богаче всех на свете! Не буду бояться! Ой!

Тропинка под его ногами внезапно проломилась, и он с треском провалился куда-то.

Глава 10. Ловушка

Только утром мальчишки не досчитались Хватыша. Они долго искали его по лесу, кричали, аукали, но Хватыш как в воду канул.

– Может быть, его утащили дикие звери? – опасливо предположил Робсик. – И теперь они вернутся за нами?

– Хотели бы вернуться – пришли бы ещё ночью, – успокоил друга Смихля. – Дикае звери по утрам не нападают.

– Какие такие звери? – встрепенулся Бумбан, с готовностью сжимая кулаки. – Покажите-ка мне, где это тут дикие звери! Был один медведь, да и тот всего лишь девчонкой-плаксоой оказался.

– Если это были и звери, то жаднучие, – заметил Дрёмс. – Они и самого Хватыша сцапали, и сумочку его прихватить не забыли.

Действительно, Хватышевой сумки среди дорожных сумок подмастерьев, грудой сложенных недалеко костра, не оказалось.

Звук голосов разбудил Растрёпу: фея протёрла глаза и сладко потянулась.

– А я думаю, ваш Хватыш сам потихоньку смылся, – зевнув, пробормотала она, – причём вместе с вещичками.

Страшик с сомнением поскрёб затылок:

– Не, братцы, Хватыш побоялся бы: идти одному, через лес, тёмной ночью... Да ни за какие коврижки!

– Разве что – за целую кучу денег! – хихикнул Смихля.

Мальчишки переглянулись: вот это было похоже на Хватыша. Только непонятно было, кто бы мог здесь, в лесной глуши, посулить ему эту самую кучу денег.

Растерянные подмастерья не знали, что делать дальше: дожидаться здесь пропавшего друга или продолжить путь.

– Ваш товарищ ночью ушёл, – прокаркал ворон, дремавший всё это время на ветке старого дуба, – не стоит вам ждать его.

Ломая голову над странным происшествием, друзья на всякий случай оставили Хватышу послание: посреди полянки они выложили из камешков стрелку, указывающую вперёд, на тропу. И стали собираться в путь.

Растрёпа тоже решила присоединиться к их компании.

– Вы поможете мне отыскать волшебную палочку, – заявила она решительно, – и не вздумайте спорить: не будь вы такими лопухими растяпами, моя палочка была бы сейчас у вас!

– Палочка, конечно! – воскликнул вдруг Страшик, хлопнув себя по лбу. – Так вот в чём дело!

– В чём, в чём? – зашумели остальные. – Скажи-ка и нам!

– Всё дело в зеркалах, – объяснил товарищам Страшик, – и в волшебстве. Помните, как мы хотели сделать наши зеркала волшебными? И как я понарошку палочкой колдовал?

– Ну и что? – пожал плечами Бумбан. – Понарошку оно и есть понарошку.

– А то, – торопливо объяснял Страшик, – палочка-то оказалась волшебной по-настоящему! А вдруг у нас всё получилось? Вдруг все наши зеркала действительно волшебные? И если Хватыш об этом догадался...

Растрёпа обиженно топнула ногой:

– Так вот значит как? Выходит, вы без спросу моей палочкой колдовали?!

– Ничего мы не колдовали. Так, шутили, – оправдывались бывшие подмастерья. – Мы ведь тогда ничего не знали о волшебстве...

Ворон Каркл постучал клювом по стволу, призывая к тишине, и строго обратился к юной фее:

– Видишь, Растррёпа, чем грозит небрежное обращение с магическими предметами? Произошло непрофессиональное превращение! Последствия могут быть просто кошмарными! Я должен срочно доложить обо всём магистру.

– Нечего ябедничать, – буркнула Растрёпа. – Посмотрим-ка лучше сначала на эти их стекляшки. Думаю, нет в них никакого волшебства, болтовня одна.

Она бесцеремонно схватила первую попавшуюся сумку и вытряхнула всё её содержимое.

Зеркало скользнуло в траву и, поймав яркий утренний лучик, пронзивший молодую листву, ослепительно полыхнуло солнечным пламенем. Все на мгновение зажмурились.

– Поосторожнее там с моим зеркалом, – всё ещё шурясь, посоветовал Дрёмс, – не разбей!

Растрёпа отмахнулась, подняла зеркало и притихла, вглядываясь в него.

– Что? Что ты там видишь? – наперебой спрашивали мальчишки.

Но она молчала. Наконец Дрёмс не выдержал и отобрал у феи зеркало.

Растрёпа заморгала, удивлённо озираясь по сторонам, и зашептала:

– Я видела синий мир, кругом лежал синий снег. Знаете, такой, как бывает на вершинах гор? – только синий-пресиний. И голубые солнца светили на небе, целых три солнца! Точно как во сне...

– Это и был сон, – проворчал Дрёмс, убирая своё зеркало в сумку, – просто чей-то сон. Я ведь и хотел сделать Зеркало Снов, а вы не верили...

– Значит, у нас получилось! – ликовал Страшик. – Братцы, надо нам срочно все наши зеркала проверить!

Мальчишки бросились к своим сумкам. Только Растрёпа сидела неподвижно: она всё ещё видела перед собой три голубых солнца...

*Три маленьких солнца,
Три синих звезды,
Три чистых оконца
В пространство мечты –*

*Сквозь явь и сквозь тени
В мир льда и огня
Тропой сновидений
Уводят меня...*

* * *

Три голубых солнца сияли высоко в небе, освещая мир холодным светом. От каждого камня, от каждого дерева тянулись три синие тени; синий снег сверкал мириадами алмазных искр. Магистр Магус зажмурил глаза, уставшие от этой ослепительной синевы – и сразу же проснулся.

– Надо же, – пробормотал волшебник, сладко потягиваясь, – каким синим был нынче сон!

Магус немного покачался в воздухе – и спрыгнул на пол. Он всегда спал прямо в воздухе и уверял, что так ночевать удобнее, чем в гамаке или на самой мягкой перине.

Обычно по утрам настроение у волшебника бывало замечательное, но в этот раз какая-то едва уловимая мысль тревожила его. Он опять вспомнил свой сон – вспомнил, как ему на мгновение почудилось, что кто-то посторонний прокрался в его сновидение и наблюдает за ним. Там во сне Магус не смог сразу узнать этого наблюдателя, только ощущал его невидимое присутствие, но теперь, проснувшись, он вдруг ясно понял, что это была Растрёпа.

– Нет, невозможно, – пробормотал Магус. – Растрёпа?! Нет, этого не может быть...

Магистр накинул на плечи свою оживившуюся мантию, слегка щёлкнув при этом по носу свесившегося с ворота непоседливого единорога; бросился к волшебному глобусу и стал искать Растрёпу. Да вот же она, вот! – топает себе беззаботно через лес. Да не одна, а с целой компанией незнакомых озорных мальчишек.

И ворон Каркл неотступно сопровождает их, перелетая с ветки на ветку, с дерева на дерево.

– Нет, она не могла проникнуть в мой сон, эта проказница-двоечница. Ведь ей и с самыми простыми школьными заданиями без ошибок не справиться. У неё даже волшебной палочки при себе нет! Что-то здесь не так, что-то не так...

Директор Магус спешно вооружился волшебными очками, вновь взглянул на глобус – и замер в недоумении: вокруг Растрёпы светилось пять голубых огоньков. Целых пять! И ещё один голубой огонёк сверкнул в отдалении, на западной окраине леса – и сразу исчез.

– Голубые огоньки – это же волшебные зеркала, – недоумевал магистр магии. – Целых шесть волшебных зеркал, откуда вдруг столько? Этого просто не может быть...

– Не может быть, не может быть! – дружно вторили звери и птицы на его мантии: по утрам им хотелось поболтать.

* * *

Провалившись неизвестно куда, Хватыш оказался в полной темноте. Сначала он заскулил от ужаса, потом вспомнил о зеркале и торопливо ощупал сумку: к счастью, зеркало при ударе уцелело. «Вот и хорошо, – вздохнул Хватыш. – Что бы ни случилось – денежки мои со мной!»

Он стал искать какой-нибудь ход или лаз, но всё время натёкался лишь на холодные земляные стены. «Надеюсь, что это не берлога какого-нибудь страшилища, – ныл насмерть перепуганный Хватыш. – Надеюсь, хозяина сейчас нет дома... Скорее бы рассвело, скорей бы!»

До самого восхода бедняга дрожал от страха. Когда же стало светать, он смог рассмотреть свою ловушку: это была очень глубокая и очень узкая яма, вроде колодца. Из такой в одиночку не вылезешь.

«Мне нужна чья-нибудь помощь, – бормотал Хватыш, – нужно кого-нибудь позвать. Эй, кто-ни...» Он осёкся: если другие подмастерья услышат – прощай, богатство, прощай, волшебное зеркало! Значит, надо молчать. Да, но если молчать, ему не поможет никто и никогда! И ещё неизвестно, кем и для каких целей вырыта здесь эта ужасная яма. А вдруг... Хватышу мигом представились зубастые кровожадные лесные страшилища.

– На помощь! – завопил он что есть сил. – Эй, кто-нибудь! Спасите! И помогите! Караул!

– Ну, чего орёшь? – послышался чей-то голос у Хватыша над головой, и в яму свесилась незнакомая длинноносая рожа. – Ай-яй-яй! Да ты никак провалился? Бе-е-еденький! Тебе повезло, что я совершенно случайно тут мимо проходил. Я очень добрый и отзывчивый, я всегда всех спасаю, всегда всем помогаю. Особенно по утрам. погоди, сейчас и тебя спасу!

Рожа исчезла. Потом сверху что-то упало: это был прочный мешок на длинной верёвке.

– Ау, спасаемый, слушай инструкцию по спасению! – распорядился сверху длинноносый. – Полезай в мешок, я тебя вытащу.

Хватыш смотрел на мешок с большим сомнением: лезть в него почему-то не хотелось. Да и длинноносый не вызывал доверия. Но выбирать не приходилось: Хватыш вздохнул, крепко прижал к груди сумку с драгоценным зеркалом и влез в мешок.

– Готово! – крикнул он. – Тащи!

Мешок дёрнулся. Верёвка поползла вверх, и мешок затянулся у Хватыша над головой. Хватыш почувствовал, как отрывается от земли.

– Ух! Да ты тяжеленный! – вопил сверху длинноносый. – Трудное это дело – людям помогать, ох, и трудное! Так от доброты своей и надорваться недолго.

Мешок несколько раз стукнулся о стенки ямы, и Хватыш, ударившись обо что-то твёрдое, набил парочку синяков, но даже не пикнул: его беспокоила лишь сохранность зеркала. Наконец длинноносый вытянул мешок из ямы и, громко пыхтя, оттащил его в сторонку.

– Уфф! Ты спасён! – объявил невидимый незнакомец. – Благодарю тебя, своего благородного спасителя.

– Спасибо, – пробубнил Хватыш, пытаясь выбраться из мешка наружу.

Но у него ничего не получалось: верёвка на мешке была затянута крепко.

– Эй, помоги мне вылезти, распутай верёвку! – обратился он к своему спасителю.

– «Пожалуйста»! Ты не сказал «пожалуйста», – напомнил длинноносый, – а ведь это волшебное слово. В любых обстоятельствах следует быть вежливым. Ну?

– Пожалуйста, выпусти меня, – заныл в мешке Хватыш, – пожалуйста-пожалуйста! И заранее спасибо!

– Вот, теперь всё правильно, – одобрил незнакомец, – теперь ты молодец и наверняка заслужил свою свободу. Только выпускать тебя я не собираюсь: раз я тебя спас – ты теперь моя добыча. По-моему, так справедливо. И не вздумай дёргаться, а то опять свалишься в яму. Тяни тебя потом, жирнюгу!

Огорошенный такой наглостью Хватыш на мгновение онемел. Повредитто, длинноносый слуга Назлоба – а это был именно он – взвалил мешок с пленником на стоявшую поодаль повозку, оглушительно свистнул – и чёрные кони злого колдуна вихрем понеслись по лесной дороге.

Глава 11. Узники

Бедный Хватыш трясся и подпрыгивал на бешено летящей повозке. Он никак не мог понять, что происходит, и ему было очень страшно. Хватыш попытался проковырять в мешке дырку, сначала – своим грязным ногтем, потом – складным карманным ножичком, однако у него ничего не вышло: заколдованная мешковина была такой крепкой, что даже стальное лезвие гнулось. Пришлось положиться на судьбу.

Но вот лесная дорога кончилась: колёса простучали по булыжникам мощёного подъезда, проскрипели по брёвнам подъёмного моста, и вскоре повозка остановилась.

Мешок сбросили на землю, куда-то поволокли и столкнули. «С прибытием! Ура!» – орал Повредитто, пока мешок с Хватышем катился вниз по невидимой лестнице.

Перепуганный Хватыш сжался в комок, стараясь защитить сумку с зеркалом всем своим перепуганным существом. «Только бы не разбилось, только бы не разбилось!» – твердил он, перескакивая, точно мячик, со ступеньки на ступеньку.

К счастью, волшебное зеркало оказалось на удивление прочным.

Наконец лестница кончилась. Повредитто сбежал вниз, затолкал мешок в какой-то угол; лязгнул замок, прогремели по каменным плитам подкованные железом каблучки – и всё замерло.

Какое-то время измученный подмастерье лежал тихо, потирая ушибленные бока и напряжённо прислушиваясь. Потом он попробовал вылезти из мешка, и это ему удалось: уходя, Повредитто ослабил верёвку. Хватыш сел и попытался осмотреться, но вокруг было темно хоть глаз выколи. Он нащупал на полу гнилую солому и, брезгливо морщась, зарыл в неё сумку с зеркалом; потом осторожно пополз в ту сторону, откуда недавно слышался лязг замка – и там наткнулся на железные прутья решётки. Хватыш подёргал решётку, она противно скрипнула, но не открылась, лишь тяжело бухнул замок над его головой.

– Эй, кто тут? – послышался тихий голос из-за решётки.

– Я, – с сомнением ответил Хватыш.

– Кто это – «я»? – поинтересовался неведомый голос. – Я вот тоже – «я». Но я – это точно не ты.

– Это я тут, Хватыш, – ответил Хватыш. – А чего это тут у вас, а?

– Тут у нас темница, – ответил голос.

– Вижу, что темница, – кивнул Хватыш, – то есть не вижу, конечно. Темно тут у вас, хоть тресни! А... а зачем я тут, у вас, а?

– Ты пленник, – пояснил голос, – и я пленник. А темница эта Назлоба, одного очень злобного колдуна.

– А, это тот, длинноносый! – догадался Хватыш.

– Не, длинноносый – это его слуга, подлый Повредитто.

– Точно, подлый, – согласился Хватыш. – А ты тогда кто?

– Я Слончик, – ответил голос, – я тут давно.

Хватыш приуныл: застревать надолго в этой темнице в его планы не входило, тем более что чудесные возможности волшебного зеркала сулили впереди так много соблазнов. «Нет, надо поскорее выбраться отсюда! Попробую-ка я подкупить этого Повредитто, – решил про себя Хватыш. – Дам ему денег... сколько-нибудь, он меня и выпустит. За деньги всякий выпустит. Надо лишь наколдовать денег побольше, пока никто не видит, а то догадаются, что за зеркало такое у меня – тогда всему конец».

Хватыш отполз в угол, где оставил сумку с зеркалом. Но в крошечной тьме он не мог видеть своё отражение – а значит, волшебное зеркало не работало. Он метнулся обратно к решётке.

– Эй, ты! Как там тебя... Пончик! – позвал он.
– Я Слончик, – слегка обиделся невидимый собеседник.
– Прости, Клончик... или как там тебя, хм... А ты не пробовал отсюда сбежать, а?
– Я Слончик. И я бы пробовал, если бы знал, как. Но на дверях везде решётки, на решётках – замки. Здесь даже окошек нету!

Какое-то время оба молчали.

– А поесть тут хоть дают? – со вздохом спросил Хватыш: он был страшно голодный.

Собеседник тоже вздохнул.

– Иногда дают. Но разве эту гадость можно назвать едой? Эх, как вспомню вкусные капустные пирожки Феи-Матушки и её чудесные морковные котлеты, которыми мне каждый день доводилось лакомиться в Волшебной школе...

– В Волшебной школе? – встрепнулся Хватыш. – Где-то я уже слышал про такую школу... А, так это же вчера фея Растрёпа нам о ней рассказывала!

Вчерашняя встреча с феей казалась теперь такой далёкой...

– Растрёпа? Ты видел Растрёпу?! Вчера? Где? – заволновался невидимый собеседник.

– Как, Сончик? Ты тоже её знаешь? – удивился Хватыш.

– Я Слончик, говорю же тебе! И фею Растрёпу я знаю преотлично. А вот откуда её знаешь ты?

Хватыш начал рассказывать: сначала о клубничном поле, о пугале, о забавном происшествии в лесу, а потом вспомнил и о волшебной палочке, и об укравшем её странном ночном визитёре. Когда речь зашла об этом лопухом страшилище, невидимый собеседник внезапно развеселился.

– А ты знаешь, где сейчас это страшилище? – хихикнул он. – Ни за что не догадаешься!

– Где? – мелко задрожал Хватыш.

– Оно здесь! Прямо перед тобой. – Собеседник выдержал эффектную паузу. – Страшилище – это я!

Хватыш с криком отпрянул от решётки.

– Не бойся, – стал успокаивать его невидимый Слончик, – я, в общем-то, не очень свирепый. Даже совсем наоборот – добряга. Я тихий, ласковый, щедрый и очень-очень скромный...

Наверху громко хлопнула дверь.

– Молчи, молчи! – прошептал Хватыш, съёживаясь. – Сюда идут!

Они затихли. Проскрипели ступени, блеснул свет фонаря, и из тьмы возник Повредитто. Он вплотную подошёл к решётке Хватышевой камеры и посветил внутрь.

– Ага, так вот какая птичка к нам залетела, – удовлетворённо кивнул Повредитто, – толстенькая-жирненькая! Да ты, видать, обжорка. Ну ничего, у нас быстренько сбросишь лишний вес, ещё благодарить станешь за прекрасную фигуру!

Повредитто повернулся: теперь свет его фонаря упал на соседнего арестанта, и Хватыш живо узнал того длинноухого и носатого, что ночью стянул у Страшика волшебную палочку.

– Ну что, уродец, – усмехнулся Повредитто, – возьмёмся за ум или будем врать дальше? Скажешь, куда тебя посылал твой распрекрасненький Магус-Бумагус или нет? Молчишь? Ну-ну, молчи-молчи! Хозяин уже припас для тебя парочку полезных упражнений, которые быстро развязывают упрямые языки. Для начала он подвесит тебя над колодезцем со своими любимыми прыгающими змеями. Знаешь, как высоко они подпрыгивают? Знаешь, какие у них остренькие зубки? А потом, если уцелеешь, конечно... Нет-нет, не буду рассказывать, не проси: пусть остальное станет для тебя приятным сюрпризом. Общий привет!

И, гадко хихикая, Повредитто скрылся в темноте.

– Эй, Сончик! – окликнул Хватыш, когда дверь наверху захлопнулась.

Слончик молчал.

– Ты боишься? – спросил Хватыш.

– Не, не боюсь. Просто страшно.

– Плохо твоё дело. Тебе надо сбежать, – посоветовал Хватыш. – Давай придумай чего-нибудь! А то тебе крышка.

Но Слончик в ответ лишь сопел.

– Эх, была бы у нас сейчас та волшебная палочка! – в сердцах воскликнул Хватыш.

– А палочка... э-э-э... она у меня, – признался Слончик. – Только это большой секрет: если Назлоб узнает – отберёт сразу!

Он рассказал, как спрятал палочку в хоботе, как Повредитто обыскивал его, но ничего не нашёл.

– Так чего же ты тут торчишь?! – взвился Хватыш. – Да я бы с волшебной палочкой давно отсюда смылся!

– Я, понимаешь... я не знаю – как, – смущённо засопел Слончик, – я не умею колдовать.

– А чего тут уметь, с волшебной-то палочкой? Бери да колдуй! Вот наш Страшик тоже не умел, не умел – а взял и...

Хватыш прикусил язык: про волшебные зеркала собеседнику знать не следовало.

– Короче, давай действуй, Сончик! Возьми для начала – и открой замок.

Слончик пару раз фыркнул, выталкивая палочку из хобота, потом неуверенно тронул ею замок и прогнусавил:

– Замок откройся!

Но замок не открылся.

– Видишь? – вздохнул Слончик. – Я так и знал, что не получится: не так-то это легко – колдовать, для этого специально учиться надо.

– Э, да кто ж так колдует? – возмутился Хватыш – Колдовать надо изо всех сил! Давай-ка снова, погромче и построже!

Слончик стукнул по замку – раз, другой, третий – и прокричал:

– Замок, открывайся! Откройся, кому говорят! Приказываю тебе: замок, откройся! Пове-леваю – отопрись!

Но замок никак не реагировал на такое наглое волшебство.

– Это просто какой-то тупой замок, – Слончик чуть не плакал, – ничего не понимает. А я не хочу к змеям в колодец... милый, замок, замочек, ну откройся же ты, ну что тебе стоит... Палочка, ну открой ты его, пожалуйста!

В ту же минуту замок послушно звякнул, и решётка со скрипом отворилась.

– Получилось! – восторженно взвизгнул Слончик. – У меня получилось!

– Да... Выходит, не зря говорят, что «пожалуйста» – волшебное слово, – рассудил Хватыш. – Вот ведь какая капризная палочка попалась: понимает только вежливое обращение! Эй, сосед, освободи-ка теперь и меня.

Слончик пулей выскочил из своей камеры и очень вежливо расколдовал замок на решётке Хватыша. Тот украдкой прихватил свою сумку, и беглецы стали на ощупь подниматься по тёмной лестнице. Они всё время спотыкались и наступали друг дружке на ноги, но в конце концов всё-таки добрались до самого верха.

Там их поджидала запертая дверь, но Слончик до того вошёл во вкус колдовать, что справился с замком в одну секунду.

Дверь приотворилась, пленники осторожно выглянули в щёлочку и увидели внутренний двор замка, вымощенный квадратными каменными плитами. Напротив, в мощной крепостной стене, располагались высокие ворота, их охраняли два стражника, вооружённые до зубов – толстый и тощий.

Стражники расхаживали взад и вперёд, позвякивая оружием.

– Ну и рожи! – огорчился Слончик. – Мимо таких ни за что не проскочишь!

Хватыш какое-то время тоже рассматривал стражников.

– Заколдуй-ка их, – предложил он Слончику, – пусть они замрут на месте. Или даже – исчезнут совсем.

– Ты думаешь, у меня это получится? – с сомнением покачав головой, Слончик несколько раз взмахнул палочкой, но, несмотря на все его вежливые просьбы и даже приказы, ни исчезать, ни замирать стражники не собирались.

– Может они уже того... заколдованные? И на них не действует наше колдовство? Всё-таки здешний хозяин – чародей. И как же нам теперь выбираться? – приуныл Хватыш.

– Надо бы их отвлечь, – задорно тряхнул ушами Слончик, – а потом вдоль стеночки, тихонечко-тихонечко – и к выходу!

Хватыш ощупал свои пухлые карманы, битком набитые монетами, и тяжело вздохнул: даже с частью долгожданного богатства расставаться не хотелось. Наконец, собравшись с духом, он расстегнул одну пуговицу и выгреб из правого кармана горсть денег.

– Ух! Да ты же у нас богатенький! – присвистнул Слончик.

Не отвечая, Хватыш высунулся в щель и угрюмо швырнул деньги в сторону ворот. Монеты со звоном покатались по гладким каменным плитам.

– Никак звенит что? – вздрогнув, спросил тощий стражник. – Никак денежки?

– Ясно, денежки, – пробасил толстый. – Только денежки так и звенят! Ты тут стой, а я пойду гляну.

Он покинул свой пост и стал осматривать двор. Заметив монеты, стражник присвистнул, нагнулся и стал их жадно сгребать.

– Эй! Ну что там? – беспокоился на посту его тощий напарник. – Что ты там собираешь?

– Что-что? Ясно, денежки, – басил толстый стражник, – не грибы же!

– А я-то? А мне-то? – волновался тощий, тоскливо озираясь. – Почему это всё тебе? Так нечестно!

Толстый стражник распрямил спину и хмыкнул.

– Кто нашёл – того и деньги. Очень даже честно, – невозмутимо ответил он, пряча монеты в свой кошель.

Слончик, не сводивший глаз со стражников, махнул рукой – Хватыш выгреб из кармана ещё горсть денег и постарался бросить их как можно дальше. Когда монетки зазвенели, раскатываясь во все стороны, не выдержал уже и тощий стражник: он сорвался со своего поста и кинулся подбирать деньги. Но толстый стражник был ближе к деньгам и его опередил.

– Нет, не трогай! Это теперь моё, это теперь мне! Это для меня денежки, – вопил тощий, – ты своё уже получил!

– Фигушки! – ревел толстый. – Ничего твоего тут нету: кто нашёл – того и деньги!

Они стали наскакивать друг на друга – и в конце концов подрались.

– Теперь пора! – решил Слончик. – Вперёд!

Бывшие узники скользнули во двор и стали осторожно пробираться вдоль стены, стараясь держаться в тени и опасливо косясь на дерущихся. Но те были настолько поглощены дракой, что ничего не видели и не слышали.

Наконец беглецы достигли ворот.

– Отпирай, отпирай ворота, – заторопил Хватыш. – Колдуй же, колдуй!

– Как? Это же не простые ворота, – возразил Слончик, – видишь? Это подъёмный мост. Где-то я раньше такой встречал, только теперь не помню, где именно. Но я знаю точно: чтобы выбраться отсюда, надо этот мост опустить.

– Да ты что! – испугался Хватыш. – Пока этот здоровенный мост будет опускаться, нас сцапают!

Он живо осмотрелся и заметил на узенькую лесенку сбоку от ворот:

– А может – попробовать сюда?

Лесенка вела на самый верх сторожевой башни. Слончик оглянулся: стражники всё ещё увлечённо мутузили друг друга. Беглецы юркнули на лесенку и помчались вверх по ступеням.

Смотровая площадка башни была окружена невысокой зубчатой стеной. Далеко внизу виднелся глубокий ров, наполненный тёмной водой; дальше, сколько видит глаз, простирался густой лес.

– Я бы его легко перепрыгнул, – прикидывал Слончик, разглядывая ров, – ведь я лучший в мире прыгун! Я, знаешь, как прыгаю? О-го-го!

– А я? – заныл Хватыш. – Я-то ведь никак не прыгаю!

Слончик смерил Хватыша оценивающим взглядом.

– Да, тебе точно не перепрыгнуть, – согласился он, – ты тяжёлый. Так что придётся нам тебя сейчас превратить.

– Превратить? Меня?! – напрягся Хватыш. – Как это – превратить?

– Как-как? Да очень просто: превратить во что-нибудь летающее. В муху, там, в стрекозу или в бабочку, – резво взялся загибать короткие пальцы новоявленный волшебник. – Можно и в птичку, на твой личный выбор. Только решай быстрее, если не хочешь вернуться в темницу.

Слончик уже нацелил волшебную палочку на Хватыша, и тот испуганно отпрянул. На лестнице послышался шум: видимо, это спешили за беглецами опомнившиеся стражники.

– Я согласен, превращай скорее. Только не в муху – в муху ни за что! В птицу, в птицу меня превращай!

– Та-а-ак... тогда ты у нас будешь дятлом.

– А почему это – именно дятлом?!

– Не знаю, – пожал плечами Слончик, – просто потому, что это мои любимые птицы: у них тоже очень длинный и очень полезный нос.

– Ой, а сумка? А как же моя сумка, – забеспокоился Хватыш, – куда же мне её деть? Ты должен о ней позаботиться, Сончик, ведь она для меня дороже всего на свете!

Он торопливо повесил сумку с драгоценным зеркалом Слончику на плечо.

Что-то бормоча, Слончик коснулся Хватыша волшебной палочкой – и в то же мгновение краснобрюхий дятел вспорхнул со стены и закружил в воздухе.

– Надо же, – удивился Слончик, – а ведь вполне приличный дятел из него получился.

Он дёрнул плечом, поправляя сползающую сумку:

– Сумку ему, понимаешь, береги, дятлу краснопузому! Что же она у него – золотая что ли?

Сзади загрохотало. Слончик поспешно втянул волшебную палочку внутрь хобота – и как раз вовремя: Повредитто в сопровождении двух пыхтящих стражников с разбитыми носами влетел на башню.

– Держи, лови, уйдут! – вопил Повредитто. – Хватай беглых, держи носатого!

Слончик не стал дожидаться, пока его схватят. Он вспрыгнул на стену, набрал в грудь побольше воздуха – и перемахнул через ров одним точным затычным прыжком. Приземлившись, Слончик шумно выдохнул и оглянулся: Повредитто сверху грозил ему кулаком. Потом разъярённый тюремщик скрылся, а стражники ещё долго тарасили глаза: спрыгнуть с такой высоченной стены и не разбиться было просто невозможно. И до того у них был озадаченный вид, что Слончик расхохотался.

Тут краснобрюхий дятел опустился ему на его плечо и вцепился лапками в ремень своей дорожной сумки.

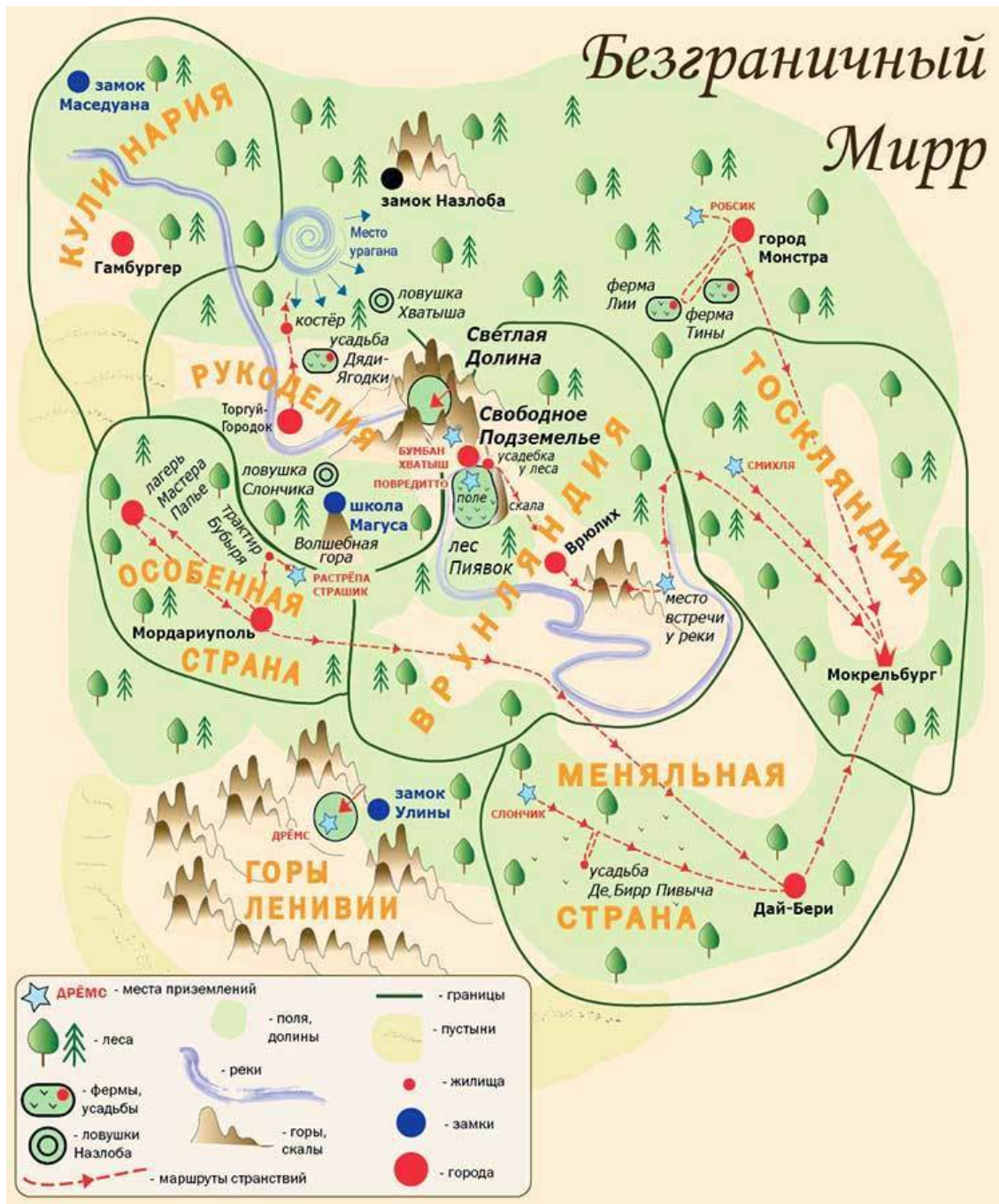
– Ура! – у нас получилось! Мы сбежали! – прокрипел дятел в самое Слончиково ухо. – А теперь расколдовывай меня обратно!

Но расколдовывать его Слончик не спешил.

– Нет, дятел, побудь-ка ты пока птичкой: здесь вот-вот будет Повредитто, а бегать так, как я, ты точно не сможешь. Вперёд, герой! – скомандовал сам себе Слончик, срываясь с места.

Он бежал в сторону леса, бежал изо всех сил. Бежал – и не догадывался, что во время прыжка выронил из хобота волшебную палочку.

Зато Повредитто своим зорким глазом приметил палочку ещё издали. Годы службы у Назлоба не прошли даром: в чём в чём, а в волшебных палочках он кое-что понимал. «Ого! Славный улов! – ликовал слуга колдуна, жадно хватая находку. – Так вот что скрывал наш уродец с хоботом: эта палочка волшебная, носом чую. Теперь и я смогу колдовать не хуже моего хозяина! Наконец-то я стану великим магом Повредитто!»

Глава 12. Ветер Странствий

Магус целый день не отходил от волшебного глобуса: он внимательно наблюдал, как весёлой ватагой пробираются через лес мальчишки-подмастерья, а вместе с ними путешествует и Растрёпа.

– У них пять волшебных зеркал! – приговаривал Магус. – Целых пять! А где-то скрыто ещё и шестое. И ничего удивительного, ведь волшебная палочка побывала именно в зеркальной мастерской. Последствия могут быть самыми неожиданными...

И тут магистр заметил в лесу и крошечную фигурку с хоботом: уж кого-кого, а Слончика ни с кем не спутаешь.

– Ну наконец-то! – радостно воскликнул волшебник. – Фея-Матушка!

На его зов примчалась из кухни запыхавшаяся фея-хозяйка.

– Наш Слончик нашёлся! Вот он, вот – видите? Скачет по лесной опушке.

Фея-Матушка всплеснула руками: теперь и она разглядела на волшебном глобусе стремительно несущегося через лес Слончика. Разглядела и маленькую птицу у него на плече, и странного длинноносого субъекта, преследующего их по пятам.

Взглянув сквозь свои чудесные очки, магистр Магус обнаружил возле Слончика крошечный голубой огонёк.

– Так вот оно где, шестое зеркало, – удовлетворённо кивнул Магус. – Ай да Слончик! А вот, кстати, и золотой огонёк – вот и наша пропавшая волшебная палочка! Но позвольте-позвольте: почему же она у этого длинноносого?!

Да, золотой огонёк светился как раз над левым карманом Повредитто, спешившего нагнать беглецов.

Внезапно Слончик остановился, потешно завертелся на месте, взмахнул рукой – раз, другой, третий! По лесу пронёсся вихрь, сгибая деревья и поднимая в воздух тучи птиц. Ураган подхватил Слончика, подхватил длинноносого, подхватил весёлых подмастерьев, закружил рассерженную Растрёпу – и разнёс всех в разные стороны.

– Да это же Ветер Странствий! – озадаченно пробормотал директор Волшебной школы. – Кто-то вызвал Ветер Странствий! Ну и дела...

* * *

Слончик не умел колдовать. Но однажды, когда у магистра Магуса гостила его младшая сестра Улина, Слончик случайно заглянул в «Учебник Стихийных заклинаний», который фея по своей обычной рассеянности забыла в школьной столовой. Там Слончик и прочёл загадочный стишок:

*Когда окажешься в беде –
И нет спасения нигде,
С макушки волос оторви
И Ветер Странствий позови!*

Что такое Ветер Странствий и чего от него можно ждать, Слончик, разумеется, не знал. Но странный этот стишок почему-то застрял в ушастой Слончиковой голове: там вечно застревало что попало. А ещё запомнилось примечание под стишком: «Произносить в трудный час, обратившись лицом к востоку».

* * *

Сбежав из темницы, Слончик какое-то время мчался вперёд, не разбирая дороги. Он то и дело оглядывался, опасаясь погони, ведь после долгой тюремной голодовки лучший в Мирре бегун сильно ослаб и теперь уже не мог, как в прежние времена, пересечь лес за несколько прыжков.

В конце концов запыхавшийся беглец остановился, чтобы слегка отдышаться.

– Эй, дятел, – окликнул он Хватыша. – Слестай-ка на разведку!

– Себе приказывай! – буркнул дятел, но послушно закружил над лесом.

Он вернулся через мгновение.

– Там Повредитто! – хрипел дятел, часто-часто махая крыльями. – Он догоняет, он уже близко! Тебе, Сончик, от него не уйти!

Помочь могла лишь волшебная палочка. Слончик зафыркал, затряс хоботом – но палочки на месте не оказалось.

– Всё, мы погибли, – испуганно прошептал Слончик, – я её потерял...

– Как?! Как ты мог потерять палочку, растяпа? – завопил дятел и в сердцах преобольно клюнул новоявленного волшебника в самую макушку. – Болван, голова дырявая! Взятся колдовать – так отвечай за последствия. Кто же теперь меня расколдует, кто меня опять человеком сделает? Не могу же я всю жизнь дятлом оставаться?!

– погоди, дятел, не сердись! Нам бы только выбраться отсюда, а там уж директор Магус тебе обязательно поможет: он может всё. Знаешь, сколько у него в школе волшебных книг? Ого-го! Целая книжная полка волшебством доверху набита!

Вот при упоминании о книгах и припомнился вдруг Слончику этот странный стишок из учебника феи Улины: похоже было, что в его жизни действительно наступил трудный час.

Слончик решил рискнуть.

– Эй, дятел, как ты думаешь, где тут восток?

– Откуда я знаю? – сердито проскрипел дятел. – Где-где? Там, где солнце всходит. – Он наугад ткнул клювом. – Наверно, там. Или не там... Какая теперь разница?

Настроение у заколдованного Хватыша было скверное.

Слончик повернул хобот в указанном направлении, вырвал волос из своей – честно говоря, и так не слишком-то густой шевелюры – и вслух прочёл стихотворение:

*Когда окажешься в беде –
И нет спасения нигде,
С макушки волос оторви
И Ветер Странствий позови!*

Вокруг ничего не изменилось.

– Нет, выходит, восток не там, – вздохнул Слончик, – выходит, он где-нибудь ещё. Придётся попробовать снова...

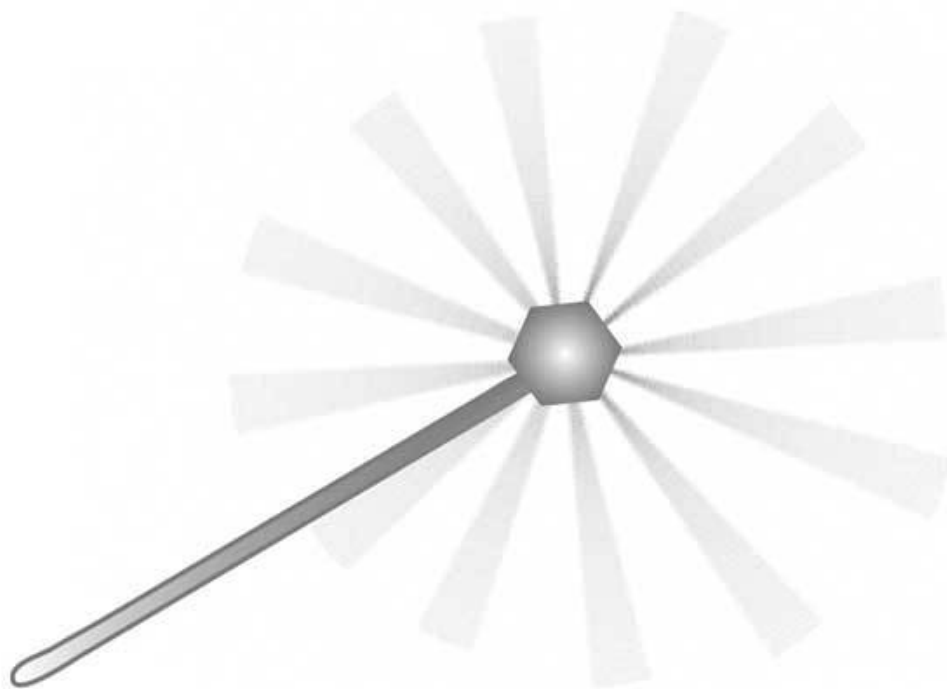
Он стал наугад поворачиваться в разные стороны, вновь и вновь бормоча стишок и с тихим ойканьем выдёргивая из головы по волоску. И в конце концов это ему надоело.

– Так и облысеть недолго, – посетовал Слончик, расставшись с очередным волосом. – Эх, жаль, что у дятлов на башках не волосы растут, а перья...

Но в последний раз, видимо, он правильно угадал направление, потому что в тот же миг наверху зашуршало-загудело – и по верхушкам деревьев прокатилась могучая воздушная волна, за ней другая, третья. Сверху посыпались листья и ветки, птицы с гомоном закружились в воздушном водовороте.

Убегая, волна гигантским языком слизнула птиц, слизнула дятла Хватыша; потом, вернувшись, накрыла и Слончика, подняла его высоко в небо – и понесла.

– Эге-ге-гей! Смотрите все – я летаю! Я выше всех! – кричал счастливый Слончик, хлопая на ветру ушами, как крыльями.

Книга вторая. Зеркало Красоты

Глава 1. Приземление

Как хорошо летать высоко в небе – так, как обыкновенно летают птицы. Над домами, над деревьями, над запрокинутыми головами изумлённых соседей.

Но увы! – люди так летать не могут.

А хотелось бы, хотелось...

Когда могучий Ветер Странствий подхватил Растрёпу, словно пёрышко, закружил в своей воздушной воронке вместе с листьями, ветками, перепуганными птицами – а потом понёс неведомо куда, юная фея, разумеется, жутко разозлилась, даже рассвирепела, ведь пугаться было не в её правилах. И, конечно же, ругалась она что есть сил.

В том, что это колдовская работа какого-то «болвана-недоучки», Растрёпа ничуть не сомневалась. Да знай она в ту минуту, что воздушную стихию взбаламутил Слончик, да попадись ей тогда под руку этот несчастный – и хорошая трёпка была бы ему обеспечена!

Только крепко вцепившись на лету в чью-то дёргающуюся ногу, сердитая фея немного успокоилась. Вихрь взвыл, набирая силу, где-то в стороне встревоженно прокричал ворон Каркл – и всё полетело вверх тормашками.

Очнулась Растрёпа в странном месте: над головой была влажная от недавнего дождя лужайка, под ногами – вечеряющее небо с розовыми кисельными облачками.

– Вот те раз! – воскликнула фея, глядя в опрокинутое небо. – Похоже, этот бешеный ветер перевернул весь наш Безграничный Мирр! Всё теперь шиворот-навыворот.

Но оказалось, что это не мир перевернулся, что это она, Растрёпа, зацепилась подолом платья за ветку большого дерева и висит вверх тормашками, а вернее – вниз головой.

Растрёпа сердито дёрнулась – разок-другой-третий. Тонкий шёлк не выдержал бесцеремонного обращения: платье порвалось, ветка хрустнула – «А-а-а!» – и фея тяжело шмякнулась в траву.

– Ничего себе тут гостей встречают, – проворчала она, потирая ушибленные бока, – сначала без спросу летать заставляют, потом с деревьев сбрасывают. Ну и местечко, всюду камни, ветки, трава мокрющая – бррр!

Вверху подозрительно затрещало.

– Эй, а это ещё там что?!

Растрёпа рванулась было в сторону, но отскочить не успела: с дерева, прямо ей на голову, свалился ботинок.

– Нет, ну вы посмотрите, добрые феи: тут ещё и ботинками швыряются! Уж этого-то я точно не потерплю, – грозно пообещала Растрёпа, потирая ушибленную макушку, – я сейчас вам всем та-а-ак наколдую...

Её рука привычно нырнула в карман за волшебной палочкой. Но вспомнив, что колдовать ей теперь нечем, фея приуныла.

Над её головой снова послышался треск, сверху посыпались ветки и листья – бабах! – и рядом с Растрёпой благополучно приземлился Страшик.

– Вот только тебя тут и не хватало, – язвительно поприветствовала его фея.

– Растрёпа, это ты? Как же здорово! Знаешь, я летал высоко в небе, летал первый раз в жизни! Представляешь: внизу всё было таким маленьким, жуть! – захлёб рассказывал Страшик. – Ой, смотри-ка, да это же мой ботинок! А я думал, его утащил ветер.

Бывший подмастерье живо натянул ботинок на левую ногу, вскочил и забегал по поляне, с любопытством осматриваясь.

– Интересно, куда это мы попали? И где все остальные? Эй, Смихля, Дрёмс, ау! – стал звать Страшик. – Ау, Робсик! Ау, Бумбан!

Но никто не откликнулся.

– Перестань орать, у меня уже уши болят от твоих воплей, – рявкнула Растрёпа. – Разве ты не видишь, что мы здесь совсем одни?

– Да, похоже, что так, – грустно согласился Страшик. – Выходит, все разлетелись кто куда. В воздухе, правда, кто-то тяжеленный висел на моей ноге...

– Так это была твоя нога? – нетерпеливо перебила его фея. – Значит, я держалась за твою дурацкую ногу? Теперь понятно, почему мы вместе здесь оказались! Только я в этом гадком мокром лесу ни минуточки задерживаться не собираюсь. Если ты со мной – пошевеливайся, шагом марш!

– Куда – марш? – пожал плечами Страшик. – Разве ты знаешь, Растрёпа, где нам искать остальных?

– Лично я никого искать не намерена. Улетели – значит улетели, и не о чем тут жалеть. Захотят – сами отыщутся. А мне, во-первых, надо срочно найти мою волшебную палочку... Нет, палочка пока что «во-вторых». А во-первых – я есть ужасно хочу. Нет ли у тебя в сумке чего-нибудь поесть?

Страшик удивлённо ощупал висящую на его плече дорожную сумку:

– Моя сумка! Смотри-ка – она не потерялась! И даже зеркало цело.

Страшик осторожно вынул зеркало, глянул на своё отражение и рассмеялся:

– Какой же я смешной, грязный – в волосах листья, на носу мох! Весь нос мохом оброс.

Страшик затряс головой, стараясь избавиться от запутавшегося в волосах мелкого лесного мусора.

«Хм, а он в общем-то не такой уж и страшенький, этот Страшик-неряшик, – неожиданно для себя подумала Растрёпа. – Интересно, а сама-то я как выгляжу?»

Фея порылась в карманах, отыскала уже знакомый нам щербатый гребешок и без лишних церемоний забрала у Страшика зеркало. «Таращишься на себя, как девчонка, – заявила она, – смотреть противно!»

Растрёпа повесила зеркало на ближайший сучок и попыталась причесаться. К великому удивлению юной феи, гребешок на этот раз легко заскользил по её всклокоченным волосам, распутывая их и укладывая красивыми волнистыми прядями. Растрёпа просто не могла отвести глаз от своего отражения: сошла грязь со лба, разгладились старые царапины на носу, засияли глаза. «Я? Неужели – это я?! Что за фокус?»

Она нравилась себе всё больше и больше.

Страшик тоже заметил произошедшую в ней перемену. «А ведь она очень милая, эта Растрёпа. И даже красивая. Как же я раньше этого не замечал? Вот сейчас она в самом деле похожа на сказочную фею...»

Растрёпа поймала в зеркале восхищённый взгляд Страшика и немного смутилась – а такого с ней раньше никогда не случалось.

– Эй, нечего на меня пялиться, чучело, – краснея, буркнула она. – Лучше бы поесть дал!

– Я бы дал, да ничего не осталось: ты сама все лепёшки съела, у меня в сумке только инструменты.

– Ну вот, – огорчилась фея, – вот и надейся на тебя.

Сидим в лесу,

Ночь на носу,

В животе пустота –

Просто красота!

Вид у юной волшебницы был очень расстроенный.

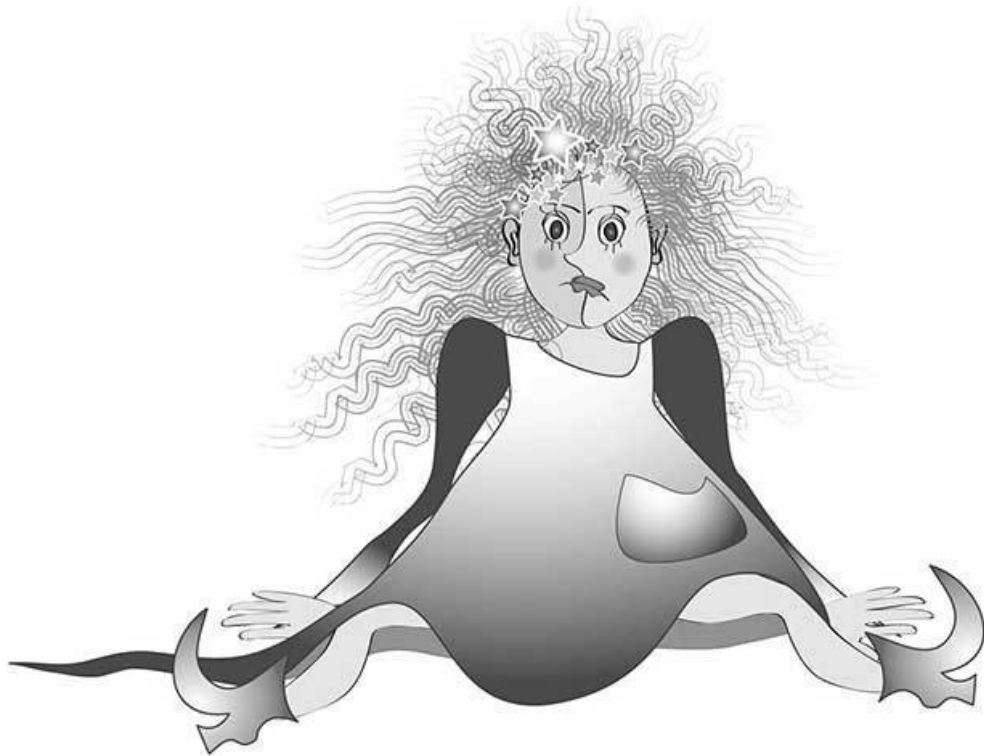
– Погоди-ка, Растрёпа, я сейчас...

Страшик вскарабкался на дерево и внимательно осмотрел окрестности.

– Я вижу справа какой-то огонёк, – крикнул он. – Давай узнаем, что там.

Юные путешественники пошли на свет и вскоре оказались у дверей придорожной заку-
сочной. Над входом красовалась яркая вывеска: «Закус – на любой вкус!»

– Очень остроумно! – фыркнула Растрёпа, решительно толкая дверь.

Глава 2. На любой вкус

Внутри было сумрачно: большая комната освещалась лишь огнём очага. Столы для посетителей пустовали, за стойкой скучал долговязый детина в шапке, надвинутой на самый нос.

– Ау, хозяин, – окликнула фея, живо усаживаясь за столик, поближе к огню, – подай-ка нам чего-нибудь. Да побольше и побыстрее: мы страшно голодные!

Детина потянулся, зевнул; из-под надвинутой шапки блеснул сонный глаз, потом другой.

– Эй, Отта, двигай сюда! Тут у тебя клиенты, понимаешь, нарисовались! – гаркнул он куда-то в темноту.

Забрезжил свет, и с лампой в руке притопала с кухни упомянутая Отта. Страшик невольно вздрогнул: она была на редкость уродлива, а мочки ушей у неё свисали до самых плеч.

Впрочем, и детина за стойкой не отличался красотой: криворотый, весь нос в бородавках.

Отта водрузила лампу на стол и крайне недружелюбно оглядела посетителей.

– Откуда вы явились, чужаки? – спросила она мрачно. – Деньги есть? Без денег ничего не получите.

– Как вы догадались, что мы нездешние? – вежливо поинтересовался Страшик, выгребая из сумки мелкие монеты. – Мы ведь действительно не из этих мест, и, честно говоря, сами не знаем, куда попали...

Отта молча ухмыльнулась, сгребая мелочь в карман фартука, и утопала прочь. Детина тем временем свесился через стойку и бесцеремонно рассматривал посетителей, разинув свой кривой рот.

– Эй ты, хватит тарашиться! – рассердилась в конце концов Растрёпа. – Где еда? Будут нас тут кормить или нет?

– Какие же вы безобразные! – внезапно заявил детина с непонятной радостью в голосе. – Такая, понимаешь, редкая удача! Стражники от зависти лопнут: в жизни не встречал таких уродливых уродышей, как ваша парочка.

– Уродышей?! – подскочила на месте фея. – Так это мы-то – уродыши? А на себя не хочешь полюбоваться, писанный ты красавчик?

Резко выхватив из Страшиковой сумки зеркало, она подлетела к стойке – и ткнула его прямо в бородавчатый хозяйский нос. Детина вздрогнул и отшатнулся:

– Нет! Нет-нет-нет! Немедленно убери это, гадкая девчонка! Я знаю, что это, я вам не дурак! Это же зеркало, зеркало! Зеркало, понимаешь? Запрещённое зеркало! Да за такое заре-стовали в прошлом году моего соседа! Я не хочу сгнить за решёткой! Нет-нет-нет!

Хозяин что есть сил зажмурился, отмахиваясь от опасного предмета; потом, приоткрыв один глаз, испуганно глянул в зеркало – и зажмурился ещё крепче.

– Убери это! – кричал он снова и снова, но любопытство было сильнее страха: время от времени бедолага бросал любопытные взгляды на своё отражение, точно оно его притягивало. – Отта! Отта! Помоги! Уберите от меня это!

Но Растрёпа зеркала не убирала.

– Ну, и кто же из нас уродыш? – мстительно приговаривала фея. – Кто тут уродыш, а?

Разъярённая фея не заметила того, что почти мгновенно понял Страшик – с каждым отрывистым взглядом в зеркало детина менялся на глазах: его кривой рот выправился, бесследно растаяли бородавки на носу, подтянулись обвислые щёки, распрямилась спина. Теперь за стойкой стоял уже не прежний безобразный хозяин, а настоящий красавец. Правда, перепуганный насмерть.

На шум притопала вислоухая Отта – и удивлённо вытаращила глаза:

– Ой, Бубырь! Да неужели ж это ты?! Что они с тобой сделали? На кого ты теперь похож?

– Я знаю, на кого похож, – улыбнулся Страшик. – В нашем Торгуй-Городке на площади такой дядька стоит, старинный, каменный. Аполлон называется.

Хозяин в ужасе уставился на своё отражение:

– Нет-нет-нет, это не я, не я! Отта, я не виноват! Это всё они, понимаешь, колдуны проклятые, понаделали своим зеркалом! Верните мне моё прежнее лицо, колдуны! Или я пропал.

Отта повернулась к Растрёпе:

– А вы всех так заколдовываете?

– Всех не всех, а вот тебя – запросто, – ответила Растрёпа, поворачивая зеркало к Отте.

Минута-другая – и теперь уже не прежняя длинноухая страхолюдина, а милая румяная женщина с аккуратными круглыми ушками стояла перед ними.

– Отта, гляди-ка! – вскричал Бубырь. – Они ж, понимаешь, и тебя заколдовали!

– Угу, – не отрывая от зеркала глаз, кивнула довольная Отта, – и мне так очень нравится.

– И мне нравится, – согласился Бубырь, опасливо разглядывая преображённую Отту, – но нас же с тобой посадят в тюрьму! Нельзя нам быть такими уродышами.

– Не посадят, не успеют, – возразила Отта, – мы сбежим. Граница-то рядышком!

И не обращая внимания на Растрёпу и Страшику, Бубырь и Отта живо выгребли из кассы деньги, пошвыряли в мешок какие-то вещи – и выскочили за дверь.

– Вот дуркнутые, – возмутилась фея, – даже спасибо не сказали!

Она сердито ткнула зеркало в руки Страшику. Юный мастер был потрясён случившимся: ему всё не верилось, что это он, Страшик – сам, своими собственными руками – смастерил вещь, которая так прекрасно преображает людей. Правда, что бы он мог один, без волшебной палочки...

– Это чудо, настоящее чудо! – шептал Страшик.

– Чудо будет, если мы сейчас же не поумираем с голоду, – заявила Растрёпа. – Пойдём-ка поищем у этих горе-хозяев какой-нибудь еды.

Страшик убрал зеркало в сумку, они отправились на кухню – и вскоре вернулись оттуда с целой горой провизии. Растрёпа тут же стала жадно поглощать пирожки, копчёные колбаски, яблоки и варёные яйца: Страшик был поражён её непомерным аппетитом.

– Ешь, нечего тарашиться, – с набитым ртом бубнила Растрёпа, всё подливая и подливая в свою кружку молока из пузатого синего кувшина. – Терпеть не могу, когда на меня глазуют!

Страшик смущённо отвернулся.

– Ну и местечко, – продолжала ворчать жующая фея, – пирожки все чёрствые: это вам точно не волшебный пирог феи Суфле! И котлеты горелые, просто гадость – вовсе не похоже на вкуснейшие котлеты Феи-Матушки. И неудивительно: каковы хозяева, таковы у них и котле...

Она замерла на полуслове: дверь со стуком распахнулась, и в закусную ввалилась целая толпа солдат. Солдаты были в жёлтых мундирах с блестящими пуговицами и высоких красных шапках. Все как один они были безобразны – каждый на свой особенный лад.

Солдаты шумно уселись за соседний стол.

– Эй, Бубырь! – заорал один из них, пучеглазый верзила. – Накрывай столы, ночная стража пожаловала! Красотка Отта, наливай нам скорее вина!

Но никто не отозвался.

– Чего они там, заснули, что ли? Эй, хозяева, быстро сюда, а то заарестуем! – гаркнул пучеглазый.

Солдаты заржали и дружно застучали кулаками по столу. Пучеглазый недовольно оглядел комнату – и наконец заметил Страшику и Растрёпу.

– Смотрите-ка: уродыши! – радостно воскликнул пучеглазый. – Вот нынче везуха! Теперь нашему капитану придётся раскошеляться: за каждого такого уродыша по пять монет отвалит, не меньше.

Страшик и Растрёпа встревоженно переглянулись.

– Только с нами не забудь поделиться, Дудка. А то мы тебе помогать не будем, – заметил сосед пучеглазого, похожий на гориллу Макакак. – Уродыши-то, гляди, молоденькие, шустрые: без нас тебе нипочём их не переловить.

Растрёпа под столом пребольно пнула Страшика ногой.

– Надо смываться, – шепнула она, прикрывая рот надкусанным ломтиком сыра. – В этом месте все подряд дуркнутые, точно тебе говорю!

Фея осторожно поднялась из-за стола, за ней привстал и Страшик.

– Куда?! Сидеть! – рявкнул Дудка.

Он вскочил, за ним – все остальные стражники. Растрёпа рванулась к двери, но не успела сделать и двух шагов: её схватили и, как она ни отбивалась, скрутили верёвкой; та же участь постигла и отчаянно лягающегося Страшика.

– Чёрт, вот угораздило же нас именно сюда свалиться, – вопила рассвирепевшая Растрёпа, – это какая-то особенно неправильная страна!

О, к сожалению, юная фея была права: они действительно попали в Особенную страну.

Глава 3. В Особенной стране

Капитан Тузпик, начальник стражников, играл в карты на деньги.

Он играл сам с собой: во-первых, подражая правителю страны, Самому Мордарию, который в играх не признавал никаких противников, кроме себя самого.

А во-вторых, потому, что играть в караулке было больше не с кем.

Игра была страстью капитана Тузпика, смыслом его жизни: увидев карты, он забывал обо всём на свете. Да вот беда: стоило лишь ему ввязаться в игру, как он тут же проигрывал всё до последней спички. Капитан уже проиграл и доставшийся ему по наследству старый бабушкин дом, и дедову копилку с серебряными монетами, и лучший папашин костюм в полоску, и кусачего мамашинного кота редкой длинноухой породы. Да и всю свою капитанскую зарплату на десять лет вперёд.

Он ухитрился проиграть даже неприкосновенный запас солдатских сухарей, хранившийся на караульном складе, за что всякого другого сразу бы выгнали со службы. Но капитан Тузпик был любимцем главного Жителя страны – Самог Мордария, Самого из Самых. Капитан нравился Мордарию потому, что был почти таким же безобразным, как сам правитель. То есть, как здесь было принято изъясняться, почти таким же *особенным*.

Капитан Тузпик был большеногим, длинноруким и толстопузым, да ещё и лопоухим в придачу, с лицом красным – и при этом длинным, как огурец. За все эти неоспоримые достоинства капитану прощали его бесчисленные проступки и даже обещали дальнейшее повышение по службе.

Итак, капитан сидел в караулке и играл сам с собой.

– Ну-с, – приговаривал он, заглядывая то в одну кучку карт, то – в другую, – что тут у нас? Ага, да у нас три туза! Мы под нас ходим валетом? А мы нашего валета – нашим тузом по носу! А мы нам – ещё валета? А мы сверху – ещё туза! Ага, нам не нравится? Вот мы и проиграли? Зато мы – выиграли! Эй, мы! Гоните-ка нам наши денежки!

Но не успел он сгрести в свою сторону стопку монет, аккуратно сложенных на серединке стола, как в караульное помещение ввалились его подопечные – Дудка и Макакак. Они буквально волокли за собой связанного Страшика и упирающуюся Растрёпу.

– Смотрите, капитан, – вопил Дудка, – мы схватили настоящих уродышей, первый сорт!

– Сами вы – уродыши, – огрызнулась Растрёпа. – Ну-ка развяжите меня!

– Это я их поймал! – похвастался Дудка.

– Не ты, а мы поймали! – возразил Макакак и обратился к начальнику: – Мы хотим вознаграждения, капитан!

– Какие такие «мы»? – забеспокоился Дудка. – Не слушайте его, капитан! Это мне, мне одному вознаграждение полагается! Этих уродышей я первый увидел! Я, я, я – и больше никто!

– Молчать! – рявкнул капитан Тузпик, вскакивая из-за стола. – О каком это вознаграждении вы здесь болтаете, бездельники и лентяи? Клянусь козырной дамой, мне ещё не попадалось ни одного стоящего уродыша, которого бы вы...

Капитан замер на полуслове: он наконец разглядел Страшика и Растрёпу.

«А ведь действительные уродыши, настоящие! – удивился про себя капитан. – Таких нам ещё ни разу не попадалось. Да за таких Сам Мордарий отвалит полный мешок денег, не меньше – или век мне козырей не видать!»

Он сердито гаркнул своим подопечным:

– Эти уродыши и двух монет не стоят. Но по доброте душевной я даю вам за них целых три – и чтоб больше никакой болтовни о вознаграждении! Проваливайте! А этих двоих – под замок.

Тузпик швырнул стражникам три монеты. Дудка и Макакак уныло подобрали деньги – и повели было арестованных прочь, но тут бдительный капитан приметил на плече у Дудки дорожную сумку.

– Постой, постой, это там у тебя что? Никак сумка? По уставу стражникам никаких сумок не положено!

– Это моя сумка, – вскричал Страшик, – верните её мне, пожалуйста! Там все мои рабочие инструменты.

– Ещё поглядим, уродыш, что там за инструменты, – отбирая у Дудки сумку, проворчал капитан, – может быть, очень опасные для государства. Такие, как вы, уродыши – главная угроза для нашей Особенной страны, клянусь козырной дамой! В камеру их, чтоб глаз не спускать!

Оставшись один, капитан небрежно бросил сумку на скамью и продолжил игру.

«Ну что, дружок, – спросил он сам себя, с наслаждением тасуя карты, – ты, я вижу, опять проигрался в пух и прах: все денежки теперь мои! Что будешь ставить, я ведь принципиально в долг не играю?»

Тут взгляд капитана упал на Страшикову сумку. «А вот, – ответил он сам себе, – я поставлю эту арестантскую сумку. Ну-ка, поглядим, что там в ней...»

Капитан открыл сумку и вытащил зеркало: он видел его впервые в жизни.

«Вот так вещица, – удивлённо бормотал Тузпик, вертя зеркало, – дорогая, наверно. Точно дорогая, клянусь козырной дамой – вон какая отличная отделка рамы! Никогда такой раньше не встречал. Интересно, а что это в ней? Чья это там рожа?»

Тузпик озадаченно пялился на своё отражение. Он почесал свой большущий нос – и незнакомец в зеркале почесался, он подёргал себя за отвислую губу – и незнакомец сделал то же самое. Капитан начинал злиться.

«Эй, ты, перестань дразниться, – угрожающе рявкнул он своему отражению, свирепо сдвигая брови, – ты не знаешь, с кем связался! Я – Тузпик, капитан государственной стражи, а не шестёрка бубён какая-нибудь!» Физиономия в зеркале в ответ тоже сдвинула брови. Разъярённый Тузпик в сердцах хотел уже швырнуть зеркало на пол, но дверь распахнулась – и в караулку влетел Дудка.

– Капитан, арестованные доставлены по назначению: все под замком! – бодро отрапортовал стражник; в это мгновение он заметил в руках у начальника зеркало, в котором отражалась красная от злости капитанова рожа. – Ой, капитан, а там ваш двойник!

– Что ты болтаешь?! – гаркнул капитан. – Какой двойник? Где?

– Ваш, ваш двойник: как вылитый! Точь-в-точь вы! – уверял Дудка. – Да это же у вас, видать, оно, оно самое... запрещённое зеркало.

– Как? Зеркало?! Запрещённое зеркало?! – испуганно завопил капитан Тузпик – Этого не может быть, клянусь козырной дамой!

– Я слышал, что зеркало – это такая штукавина, которая повторяет всё вокруг, – возбуждённо размахивая руками, твердил Дудка. – Мне моя бабка рассказывала, что в старые времена они были повсюду... Ой, капитан, а что у вас сделалось с лицом-то?

– Что? – вскричал перепуганный капитан Тузпик, отшвыривая от себя зеркало. – Что?!

– Вы... Вы... Да вы сами стали похожи на уродыша!

Глава 4. В тюрьме

Пока Растрёпа что есть сил колотила в только что захлопнувшуюся железную дверь камеры, Страшик осматривался. Сквозь крошечное решётчатое окошко под самым потолком пробивался лунный свет, таинственно освещая рваные соломенные тюфяки, затянутый паутиной ржавый умывальник и сидящего в углу сгорбленного старичка.

– Здравствуйте, ребятки, – тихо сказал старичок. – Добро пожаловать!

Оставив дверь в покое, Растрёпа повернулась и устала на старичка.

– Добро пожаловать?! – возмущённо повторила она. – Ничего себе – добро! Ты что, дедуля, издеваешься? Разве не видишь, что мы ни за что ни про что в тюрьму угодили? Что это у вас тут вообще за страна такая странная: арестовывают кого попало, куда ни глянь – везде одни сплошные страхолюдины?

– Да, ты права, девочка, – грустно улыбнулся старичок, – это так. Вы попали в Особенную Страну. Здесь, действительно, живут одни уродцы, правда, сами себя они называют *особенными*. Я ведь, в каком-то смысле, тоже особенный – я тоже уродлив.

Старик повернулся, и юные путешественники увидели огромный горб у него на спине.

– А почему вы в тюрьме? – спросил Страшик.

– Я – Папье, Мастер Масок, – ответил старик, – и власти считают меня опасным государственным преступником. Сейчас я расскажу вам всё и о себе, и о нашей стране. Только наберитесь терпения, юные чужестранцы: мой рассказ будет долгим.

Растрёпа и Страшик уселись на соломенный тюфяк и приготовились слушать. Старик вздохнул – и начал:

В Особенной Стране правит Сам Мордарий. Он носит титул «Самый-Самый Житель». Никто не знает, сколько ему лет, но даже глубокие старцы не помнят того дня, когда Мордарий взойшёл на трон. Поговаривают, что некий злобный волшебник сделал правителя бессмертным в награду за его исключительное безобразие.

Предание гласит, что когда-то в юности Мордарий скитался по свету, и везде его осыпали обидными насмешками, побоями и пинками. «Уродина! – кричали ему повсюду. – Проваливай из наших мест! С глаз долой!» Так безжалостный мир ожесточил сердце юного Мордария, и он поклялся отомстить этому миру.

Однажды он забрёл в эти дикие лесные края – с душой, переполненной обидой и горечью. «Я стану здесь королём, – решил Мордарий. – Я буду королём всех уродцев: я соберу этих несчастных и обездоленных со всего света, и больше никто не посмеет унижать нас. Это будет только наша страна – справедливая Особенная страна. И жители её тоже будут называться особенными. Я заведу здесь свои порядки: здесь уродство станет достоинством, а красота – преступлением. Так мы посмеёмся над миром, который отверг нас. И это будет справедливо!»

Мордарий бросил клич – и уродцы, то есть «особенные», потянулись сюда из всех уголков Безграничного Мирра. По приказу Мордария они вырубали деревья, построили дома – и огромный дворец с высоченной Смотровой башней для своего нового правителя. Главный и единственный город страны в его честь был назван Мордариуполем.

Под угрозой изгнания из Особенной страны хитрый Мордарий запретил жителям пользоваться зеркалами. Отныне никто не видел себя, не знал, как он выглядит на самом деле, и каждому казалось, что он лучше всех остальных – что он действительно «особенный».

И особенные счастливо зажили в своей стране. Здесь никто не оскорблял, не притеснял, не преследовал их: каждый был равным среди равных. Так гласит старинное предание.

А дальше начинается ужасающая правда.

Мир не стоит на месте, мир всё время меняется.

Шло время. Жители Особенной страны жили, работали, влюблялись, обзаводились семьями, у них рождались дети. Это были самые обычные, милые дети, лишённые уродливых черт своих родителей. Часто – очень даже красивые дети.

Этих детей в Особенной стране стали называть «неправильными» или «уродышами». Едва узнав о «неправильных» детях, Мордарий приказал бросать их всех в лесу, на съедение диким зверям, чтобы само их существование не нарушало порядка в справедливом государстве, созданном им только для отверженных.

Ведь здесь не было места красоте.

Но родители любили своих детей и не хотели расставаться с ними, обрекать на страшную гибель. Они прятали детей, многие в отчаянии пытались бежать с ними в другие земли. Но бдительные стражники Мордария ловили беглецов и бросали в тюрьму, а детей всё равно отнимали.

Жители начали роптать. В Особенной стране наступили смутные времена, и авторитет Са́мого-Са́мого Жителя буквально висел на волоске. Чтобы укрепить свою власть и погасить недовольство, хитрый Мордарий придумал «милостиво» уродовать детей, чтобы не различать их с родителями. А заодно – уродовать всех, кто был ему не по вкусу: он назвал это «исправлением».

Теперь стражники день и ночь рыскали в поисках жертв: за каждого пойманного «уродыша» полагалась награда, и многие жители охотно доносили друг на друга. Прятать «уродышей» запрещалось под страхом смерти.

Мастер Папье родился горбатым, а значит, вполне мог считаться «особенным». Но вот лицо его не очень-то нравилось стражникам – с юных лет Папье то и дело хватали и тащили «на исправление». Не раз оказывался он в страшной комнате, где Главный Исправитель, похожий на палача, орудовал нагретыми щипцами, ужасными иглами и ещё какими-то чудовищными приспособлениями, придавая внешности неугодных жителей надлежащий «особенный» вид. Но каждый раз горб выручал несчастного Папье. «Э-э-э, – говорил Главный Исправитель, – да этот мальчик попал к нам по ошибке! Он и так уже замечательно горбат, и было бы несправедливо по отношению к остальным жителям награждать его дополнительными достоинствами».

И перепуганного Папье отпускали на свободу.

Но вскоре у него родилась маленькая сестричка, хорошенькая, как розовый бутончик. Она ещё качалась в колыбельке, а родители уже тайком плакали по ночам, представляя, как их милая крошка попадёт в руки ужасного Главного Исправителя – и прятали её от соседей. Папье день и ночь ломал голову над тем, как спасти сестрёнку.

Однажды, играя с малышкой, он проделал в большом кленовом листе дырочки для глаз и носа. Сестричка испуганно замирала, увидев незнакомца с зелёным лицом, а потом радостно смеялась, когда из-под зелёной маски выглядывал её любимый братик.

И Папье вдруг понял, что под маской можно спрятать человека надёжнее, чем в любом тайном убежище. И он решил изготовить для сестрёнки такую маску.

Сначала у него ничего не получалось, но Папье не опускал рук. Он научился делать маски из бумаги и картона, из проклеенной ткани и речной глины. Его маски годились для игры, они могли украсить любой праздник, но не могли обмануть бдительных стражников и жадных до награды соседей-доносчиков.

Как-то раз, гуляя в лесу, Папье наткнулся на странное растение с густым тягучим соком, похожим на клей. Мальчик обнаружил, что при нагревании этот сок застывает, превращаясь в прозрачный дружинистый материал. Папье назвал его «тягучиком». Вот из этого

«тягучика» и научился Папье делать свои удивительные маски: они были тонкими и гибкими, полностью скрывали человеческое лицо, но позволяли дышать, закрывать глаза и даже шевелить губами. Папье изготовил маску для маленькой сестры, потом, под большим секретом – для братишки своего друга; потом – для внучки старого школьного учителя. Так он начал тайком спасать людей от «исправления». О Папье говорили украдкой, шёпотом, за закрытыми дверьми, берегли его имя в тайне, потому что он был последней надеждой многих несчастных.

Его стали называть Мастер Масок.

Вскоре десятки, потом уже – и сотни людей скрывали свои настоящие лица под спасительными уродливыми масками.

Но у Мордария всюду были шпионы. На Папье донесли – и лишь с помощью друзей ему удалось избежать ареста. Много лет Мастер Масок скрывался, но и в подполье не оставлял своего ремесла: у него появились ученики, они тоже делали маски. Стражники рыскали по всей стране: им было приказано дёргать за нос каждого подозрительного субъекта, чтобы проверить, не надета ли на нём маска. Те, кого разоблачали, оказывались в заточении.

Наконец один из арестованных не выдержал пыток и выдал убежище Папье. Мастера Масок схватили...

– Скоро меня казнят, – вздохнул старик, – но я не боюсь смерти. Жаль только, что вам я не смогу помочь: вам не избежать «исправления».

– Как, – воскликнула фея Растрёпа, – нас тут собираются изуродовать?! Да пусть только попробуют ко мне сунуться! Да я их всех так...

Фея смолкла на полуслове: она вновь вспомнила о своей потере. «Вот не везёт же, – вздыхала про себя Растрёпа, – тоже мне, фея называется! Волшебница без волшебства...»

– Давайте устроим побег, – предложил Страшик.

– Отсюда не убежать, – покачал головой мастер Папье, – это самая надёжная камера во всей тюрьме. Вы можете гордиться, юные чужестранцы: сюда сажают только самых опасных арестантов.

Все грустно замолчали: каждый думал о своём.

Их размышления прервал грохот тяжёлого дверного засова; дверь заскрипела, и в камеру просунулась голова пучеглазого стражника Дудки.

– Эй, преступники, уродыши, – гаркнул он, – быстро на выход! Вас наш капитан срочно требует.

Глава 5. Неожиданный поворот

Дудка связал руки Страшику и Растрёпе и отвёл их в караульное помещение.

Капитан Тузпик стоял спиной к вошедшим.

– Выйди вон и охраняй снаружи, болван, чтобы никто сюда не сунулся, – не оборачиваясь, приказал он Дудке. – И не вздумай проболтаться: клянусь козырной дамой – мигом шею сверну!

Крутой нрав капитана был известен всем: Дудка проворно выскочил, хлопнув дверью.

И лишь тогда капитан повернулся лицом к арестантам.

– Здравствуйте, приехали! – хихикнула Растрёпа. – Похоже, не только нас теперь нужно исправлять.

Страшик удивлённо рассматривал преобразившегося капитана: от прежнего любимца Самогó Мордария не осталось и следа – теперь на арестантов сердито взирал стройный тонконосый красавец. Правда, был он чуточку лопоух – но ведь это такие мелочи.

– Значит, капитан, вы без спросу смотрелись в наше зеркало? – укоризненно покачал головой Страшик. – Я же просил сразу вернуть мне мою сумку.

Капитан Тузпик стукнул по столу кулаком – да так, что его обожаемая карточная колода подпрыгнула и улеглась веером.

– Молчать! Вы должны всё исправить! Немедленно! – завопил он. – Или я прикажу вас казнить! Повесить! И утопить! Я – капитан государственной стражи, я вам не шестёрка бубён какая-нибудь! Как я буду отдавать приказания моим болванам-стражникам с таким ужасным лицом?!

– А по-моему, так очень миленькое личико, – ехидно заметила Растрёпа, – уж получше прежнего: от местных девушек теперь отбою не будет.

– Молчать, глупая девчонка! – гаркнул капитан. – Да я вас...

Растрёпа бесстрашно выступила вперёд.

– Эй, не шуми, – посоветовала она, – кто-нибудь сюда прибежит, тебя увидит. Ты же теперь у нас в некотором роде и сам государственный преступник.

Капитан тяжело рухнул на стул и беззвучно зашлёпал губами. Растрёпа продолжила:

– Кстати, мы здесь в твоей тюрьме познакомились с мастером, который делает удивительные маски. И могли бы по знакомству похлопотать насчёт масочки лично для тебя. Если ты, конечно, выпустишь нас отсюда без лишнего шума.

– Нет, нет и нет! – заорал капитан Тузпик. – Я не хочу никаких масок! Я хочу назад моё родное лицо! Вы должны сейчас же всё исправить! Всё!

– А мы же не... – начал было Страшик, но Растрёпа незаметно ущипнула его, шепнув: «Молчи!»

Страшик умолк на полуслове. Растрёпа с важным видом стала прохаживаться по караулке, словно что-то обдумывая. Наконец она остановилась и в упор взглянула на капитана.

– Так уж и быть, мы поможем тебе, красавчик. Но, разумеется, только на наших условиях. Если не согласишься – можешь наслаждаться своей новой внешностью сколько душе угодно. Но мне почему-то кажется, что в вашей дурацкой стране это продлится недолго.

Капитан насупился и мрачно буркнул:

– Я на всё согласен. Чего вы хотите, уродыши?

– Эй, потише! На твоём месте я бы выбирала выражения, – обиделась Растрёпа. – Хочешь ещё разочек глянуть на себя в зеркало?

– Нет! – испугался капитан.

– То-то! Итак, ты возвращаешь нам наше зеркало, потому что без него ничего не получится, – стала перечислять Растрёпа, загибая пальцы. – Во-вторых, ты освобождаешь нас из тюрьмы без всякого идиотского исправления. В-третьих...

Капитан Тузпик заёрзал на стуле:

– Вы хотите слишком многого! Да я сейчас прикажу – и вас немедленно доставят к Главному Исправителю, век мне козырей не видать!

– Вместе с вами, капитан, – рассмеялся Страшик, – только вместе с вами! И неизвестно, оставят ли потом в капитанах государственной стражи бывшего преступника.

Капитан съёжился.

– В-третьих, – продолжила Растрёпа, – ты отправишься с нами, милашка: что-то я тебе не доверяю.

– И, в-четвёртых, капитан, – закончил Страшик, – вы сейчас же освободите из тюрьмы мастера Папье. Или не договоримся.

Капитан вяло махнул рукой: он был согласен на всё. Растрёпа приоткрыла дверь и оглушительно свистнула. В караулку влетел взмыленный Дудка:

– Звали, капитан?

– Мигом приведи сюда этого чёртова старика, масочника! – рявкнул капитан Тузпик. – Быстр-ро!

Удивлённый Мастер Масок был немедленно доставлен в караулку. Вскоре он – вместе с Растрёпой и Страшиком – под покровом ночи тайно покинул тюрьму.

Бывших арестантов сопровождал кутающийся в широкий плащ с капюшоном капитан Тузпик. Следом плёлся пучеглазый стражник Дудка, взятый для отвода глаз.

Глава 6. Мордарий

Знаменитый Самый-Самый Житель Особенной страны восседал на двойном троне в просторном тронном зале с золочёными стенами. Стены, по вкусу Мордария, были расписаны невообразимыми монстрами и уродцами, а двойной трон требовался правителю потому, что у него было сразу два сросшихся спинами туловища.

Правда, голова у Мордария была всего одна, и не очень-то большая: она держалась на тонкой вертлявой шее. Ещё у правителя были две слабые скрюченные руки и целых три ноги. Третья нога приятно отличала Мордария от его подданных: он мог кому угодно давать пинка, не теряя при этом равновесия – и даже давать пинка двумя ногами сразу. Правитель был единственным в стране, кто носил три ботинка – а также мог, стоя на одной ноге, ловко проделывать в воздухе «шпагат» под бурные аплодисменты безобразных придворных.

А вот бегал Сам Мордарий не слишком быстро: он всё время путался в трёх своих ногах. Впрочем, Самый-Самый Житель ничуть не расстраивался по такому поводу: бегать правителю Особенной страны было незачем. Для этого у него имелись слуги.

Карлик-секретарь уже целый час гнусавил, докладывая Мордарию о неприятных вещах, и правитель хмурился. Оказалось, что в его Особенной стране, прямо под самым его крючковатым носом, орудует целая шайка злоумышленников. Они обманом и колдовством превращают честных жителей в «уродышей», используя для этой преступной цели запрещённое зеркало. Они сумели освободить из заточения опасного государственного преступника Масочника, похитив при этом храброго капитана Тузпика. И, по словам надёжных свидетелей, подвергли изуродованию даже его.

Молча выслушав доклад до конца, правитель мрачно сдвинул брови и нетерпеливо махнул рукой: карлик пулей вылетел за дверь.

– О, ужас, – тонким голосом воскликнул Самый-Самый Житель, – оно сбылось, это старинное пророчество: колдовское зеркало появилось! Появилось, несмотря на все мои предосторожности...

Мордарий застонал от ярости – и крепко сжал в кулаке золотой футляр, свисавший на алмазной цепи с его тонкой шеи. Из футляра, с которым он не расставался ни днём, ни ночью, правитель осторожно извлёк Кровавый Камень и дунул на него специальным протяжным дуновением. Камень засиял, заискрился – и из его адской глубины зловеще сверкнули глаза Назлоба.

– Как ты смел потревожить меня, Мордарий? – загрохотал в голове правителя свирепый голос колдуна.

Оба сросшихся туловища Мордария задрожали от ужаса: он не находил слов.

– Надеюсь, у тебя найдётся какое-нибудь оправдание. Если в течение тридцати секунд я не услышу сколь-нибудь убедительного вранья, ты будешь раздавлен всей безграничной мощью моей тёмной магии, точно жалкая букашка!

– О великий Назлоб! Прости, что беспокою тебя, – пролепетал перепуганный правитель, – но моя власть под угрозой! То колдовское зеркало, о котором ты когда-то предупреждал меня – оно появилось! Я сделал всё, чтобы уберечься от этого несчастья: под страхом смерти я запретил моим подданным пользоваться зеркалами, разгромил все зеркальные мастерские и казнил всех зеркальщиков, расставил посты на границах, чтобы ни один чужак сюда не сунулся – и всё-всё напрасно! Зеркало здесь, в моём государстве, прямо как с неба свалилось! И оно уже превращает моих подданных...

– ...в писаных красавчиков! Хы-хы-хы, славненько, – расхохотался Назлоб, – скоро в твоей уродской стране можно будет проводить конкурсы красоты.

Но Мордарию было не до смеха.

– Помоги мне, великий Назлоб! – взмолился он. – Спаси меня!

– Я ничего не делаю даром, – напомнил колдун. – Ничего!

– Я отдам тебе всё! Всё, что ты пожелаешь! Все свои богатства!

– Мне не нужны твои жалкие побрякушки, – поморщился Назлоб, – я богаче всех в этом ничтожном Мирре. Но когда-то я наградил тебя редким даром тайно питаться чужими жизнями, чтобы жить бесконечно – и я могу легко отнять этот дар, если от тебя не будет пользы. Мне же нужны от тебя только страх и ненависть. Чем больше в Мирре ненависти и страха, тем я сильнее. Жители твоей страны своим страхом и своей ненавистью много лет умножали мою силу, потому что ты был безжалостен с ними. Пусть так будет продолжаться и впредь. Ты должен немедленно завладеть этим зеркалом – и тогда я уничтожу его! А пока не отыщешь зеркало, не смей беспокоить меня, презренный раб.

Кровавый Камень полыхнул алым пламенем – и погас. Дрожащими руками Мордарий замкнул футляр.

Потом правитель вызвал карлика-секретаря – и почти зарычал, нетерпеливо стуча по подножию трона всеми тремя своими ногами:

– Немедленно поднять всех стражников! Злоумышленников немедленно схватить и доставить ко мне! Колдовское зеркало сегодня же должно быть у меня! Я казню всякого, кто встанет на моём пути! Я казню всех!

Глава 7. Убежище

Капитан Тузпик сидел на дереве и мрачно глядел вниз. Кругом шумел лес: деревья, деревья – зелёное лиственное море до самого края неба.

Здесь, высоко над землёй, в густых старых кронах расположился целый лагерь – тайный лагерь сторонников мастера Папье. Сплетённые из прутьев уютные домики прятались в ветвях, подвесные мосты-переходы соединяли их. На поручнях-канатах сушилось бельё и пучки лекарственных трав; до земли свисали прочные верёвочные лестницы. А внизу, в ловко замаскированных под кочки землянках, размещались секретные мастерские Мастера Масок: там тайно трудились его помощники.

– Мне отсюда нипочём не выбраться, – уныло бормотал капитан Тузпик, – да и куда мне бежать? Домашние меня с таким лицом не признают, сдадут властям как уродыша. Ещё и награду себе за это выклянчат, клянусь козырной дамой! И покровительство Самого Мордария на этот раз меня не спасёт, мне никто не поверит: попробуй, докажи, что я – это я. Я бы и сам себе не поверил. Нет, дома меня ждёт одна тюрьма – и никаких козырей. Эх, вот спрыгну сейчас вниз и покончу со всем разом!

Но вместо этого капитан достал из-за пазухи заветную карточную колоду и начал проворно её тасовать: это всегда его успокаивало. Он вспоминал, как бежал со службы, завернувшись до бровей в тёмный плащ: бежал, как преступник, дрожа от страха и шарахаясь от каждого припозднившегося прохожего. Странные арестанты обещали, что расколдуют его, но подлю обманули, век им козырей не видать. Они завели капитана и стражника Дудку в непроходимый лес и объявили, что исправить уже ничего нельзя, и что ему, bravому капитану королевской стражи, так и придётся до самой смерти жить с чужим безобразным лицом. Коварный старик-масочник предложил капитану перейти на свою преступную сторону и даже обещал сделать такую маску, которая будет в точности повторять прежнее капитаново лицо, так что ни одна живая душа ни о чём не догадается. Поразмыслив хорошенько, отчаявшийся Тузпик уже хотел согласиться на это, но тут стражнику Дудке вдруг приспичило сбежать. И если его не сожрали по дороге кровожадные лесные звери, он, никчёмная шестёрка бубён, конечно уже разболтал всему свету, что капитан Тузпик стал «уродышем» и прячется в лесах.

Нет, о возвращении домой не могло быть и речи.

«Кто я теперь? – горевал капитан. – Всего лишь государственный преступник. Битая карта – и ничего больше».

А в это время неподалёку, у самой вершины могучего древнего дуба, совещались в домике старого Папье беглые арестанты.

– Стражник Дудка уже добрался до своих. Мой помощник Тенио сегодня был в городе, там читали указ правителя: приказано найти капитана Тузпика и немедленно доставить во дворец. И вас, и меня, разумеется, тоже ищут, – вздохнул Мастер Масок, – стражники рыщут повсюду. Им нужно какое-то зеркало.

Растрёпа и Страшик переглянулись.

– Как, наше зеркало? – удивился Страшик. – Как они о нём узнали? И зачем оно им?

– Зачем-зачем? Да затем, что нам всем нужно поскорее бежать отсюда! – подскочила Растрёпа. – Мастер Папье, дайте нам маски, самые-самые уродские – и вперёд! Вы все можете бежать с нами: трактирный Бубырь и его Отта ведь сбежали за границу, значит – и у нас получится.

– Нет, я не могу бежать, – покачал головой старый Папье. – Куда, зачем? Спасать свою жизнь? Но я уже старик, девочка... И я не могу оставить в беде своих родных, своих друзей, свою родину. Здесь я нужен.

– Но вас же схватят, казнят! – воскликнул Страшик. – Стражник Дудка наверняка всем разболтал об этом тайном лагере.

– Во-первых, дорогу сюда найти очень трудно, да и вряд ли он её запомнил. Кругом сплошной лес, а для непривычного глаза одно дерево в лесу не отличается от другого. А, во-вторых... во-вторых, от себя никуда не убежишь, не убежишь от своей совести, – Мастер Масок грустно посмотрел на своих юных собеседников. – Раньше наша страна была лишь прибежищем несчастных людей, отвергнутых жестоким миром и нашедших здесь спасительный приют. Но страдания этих отверженных переродились в истинную красоту: их дети родились иными, совершенными! Но теперь и они обречены жить в страхе, как когда-то жили их родители. Видите, как всё перевернулось: теперь уже большинство людей в этой стране прячет лица под уродливыми масками.

Старый Папье тяжело вздохнул.

– А ведь каждый человек имеет право быть таким, каким он появился на свет, – продолжил мастер, – даже если он чем-то отличается от других, даже если это кому-то не нравится. Каждый имеет право быть самим собой. Мы должны сбросить маски, мы должны отстоять нашу свободу – свободу жить с открытыми лицами! И значит – нам предстоит борьба. Пусть же мои маски помогают тем, кто зреет для этой борьбы, кто пока ещё слаб: я остаюсь с ними. Вы же, друзья мои, торопитесь: всё приготовлено для побега, и этой ночью мой помощник Тенио тайно проводит вас до границы.

– А капитан Тузпик? Что будет с ним? – спросил Страшик.

Мастер Масок задумался.

– От него надо избавиться, – решительно заявила Растрёпа, – а то он сбежит при первом удобном случае, как сбежал подлый Дудка, и на всех тут донесёт. Лучше избавиться сразу!

– Как это – избавиться? – опешил Страшик. – Казнить его, что ли?

Растрёпа нахмурилась и пробурчала:

– Эх, если бы не ты, недотёпа, была бы сейчас со мной моя волшебная палочка! Уж я б его быстренько превратила в жучка или паучка какого-нибудь. Был бравый капитанчик – стал рыжий тараканчик.

– Нет, лучше его отпустить, – настаивал Страшик, – пусть идёт на все четыре стороны. Довести до лесной опушки – и до свидания!

– Да его с таким лицом живо схватят как уродыша, и он всё разболтает, всех предаст! – не соглашалась фея.

В их спор вмешался мастер Папье.

– Страшик прав: мы отпустим капитана. И маску ему подходящую выдадим, у нас их много. Придётся и ему теперь скрываться от стражников. Это будет для него справедливым наказанием: пусть на своей шкуре испытает, каково это – отличаться от большинства в Особенной стране, каково быть добычей в чьей-то безжалостной охоте. А доносить на самого себя он не станет, побоится. Так что, друзья, собирайтесь в дорогу: вечереет, пора.

Юные путешественники вернулись в отведённые им гостевые домики.

Страшик огляделся: собственно говоря, собирать в дорогу ему было нечего. Он сел на соломенный тюфяк, служивший постелью, достал из дорожной сумки волшебное зеркало и задумчиво провёл рукой по его гладкой поверхности. В дверь заглянула Растрёпа.

– Эй, ты чего расселся? Нашёл время на себя пялиться! Всё равно тебе от волшебного зеркала никакой пользы нет: как ты был Страшиком, так Страшиком и остался.

Действительно, сам Страшик ничуть не изменился: на него Зеркало Красоты почему-то не действовало.

– Сапожник без сапог, – хихикнула Растрёпа, решительно отбирая зеркало. – Торопись, нам в дорогу пора

Страшик поднял голову и внимательно посмотрел на свою спутницу.

– Знаешь, Растрёпа, я решил остаться.

– Как это? – встрепенулась фея. – Здравсте-пожалуйста! Снизу Тенио уже свистит, поторапливает.

– Помнишь, что нам сказал старик? Нельзя предать тех, кто в тебе нуждается. Не можем мы бежать отсюда, как жалкие труссы. Смотри, вот зеркало, оно же настоящее, волшебное! Я не знаю – как, но оно может и должно помочь мастеру Папье и всем здешним жителям.

С тяжёлым вздохом Растрёпа уселась рядом со Страшиком.

Немного подумав, она заявила:

– А я знаю, как это зеркало может помочь – надо показать его Самому Мордарию. Или – показать Мордарию волшебному зеркалу. Короче, если здешний правитель посмотрит в это зеркало, он перестанет быть страхолюдиной, и тогда вся его глупая власть мигом рухнет, тогда и остальным быть уродышами вовсе не обязательно.

– Растрёпа, ты гений! – Страшик подпрыгнул и в порыве радости крепко обнял сообразительную фею.

Растрёпа никак не ожидала такого бурного проявления чувств: она отодвинулась от Страшика и смущённо засопела.

– Нам нужно срочно попасть во дворец к Мордарию! – возбуждённо тараторил Страшик, то вскакивая, то вновь садясь. – Вот только как?

Растрёпа пожала плечами.

– Как-как? Да запросто. Стоит тебе только высунуть нос из этого леса – мигом попадёшь во дворец, не сомневайся. Никакого приглашения не потребуется: стражнички с почётом проведут!

– Это опасно, – возразил Страшик, – ведь нас могут опять запихнуть в тюрьму, на исправление. Как оттуда выберешься? Ещё и зеркало отберут. Нет, рисковать нам нельзя, надо действовать наверняка.

Друзьям срочно требовался надёжный план.

Глава 8. Три капитана

– Эй, Дудка, я есть хочу, – ныл Макакак, плетясь вслед за Дудкой тёмной ночной улочкой. Стражники направлялись к дому беглого капитана Тузпика.

– Мы уже мимо целых двух трактиров протопали, – не умолкал Макакак, – пора бы и перекусить.

– Когда время придёт, тогда и перекусим, – рявкнул Дудка, бдительно вертя головой. – Чую, сегодня нам повезёт!

– Повезёт-повезёт! Ты и вчера так говорил, а всю ночь, без всякого спасибо, голодными протаскались, – ворчал Макакак. – И что-то ты больно раскомандовался, Дудка! Вроде ещё и не капитан, а туда же: своим приказывать.

– Может, я и не капитан, а в нашем дозоре всё равно теперь главный, так что помалкивай, Макакак! – огрызнулся Дудка. – И в капитаны меня не сегодня завтра произведут, не сомневайся: стоит только схватить этого предателя Тузпика. А я уж точно его схвачу: мне самому в капитаны очень даже охота.

– Ага, дурак он тебе сюда соваться! Он сейчас по лесам прячется, как трусливый заяц, – хихикнул Макакак.

– А я чую: нынче придёт. Вот его дом, видишь? Наверно, там и денежки на чёрный день припрятаны в укромном уголке. А они ему, беглому, сейчас очень даже пригодятся. За деньгами любой придёт, – ухмыльнулся Дудка, кивая на тёмные окна Тузпикова дома. – А тут и мы с тобой как навалимся, как схватим его, тёпленького – и в темницу! Меня в капитаны произведут, как обещано, а тебе... тебе тоже чего-нибудь да обломится.

– Хорошо бы денег, – мечтательно улыбнулся Макакак, – купили бы вина, свиной колбасы, пирогов с грибами: вот погуляли бы с ребятами на славу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.